

Одиночный полёт

Владимир Борисович
Туболев

SHOUT
SHARE **IT**

- [Туболев Владимир Борисович](#)

Туболев Владимир Борисович

Одиночный полёт

Туболев Владимир Борисович

Одиночный полёт

От издательства: Повесть о советских летчиках, проявивших необыкновенное мужество и воинскую доблесть в тяжелейших боях Великой Отечественной войны...

11 августа 1942 года двухмоторный бомбардировщик No 33 из 127-го авиаполка взлетел с прифронтового аэродрома и взял курс на запад. Экипаж самолета состоял из трех человек. Пилот - капитан Добруш Василь Николаевич, белорус, женат, сорока лет, беспартийный, кадровый военный. Штурман-капитан Назаров Алексей Иванович, русский, женат, тридцати двух лет, член партии, кадровый военный. Стрелок-радист - сержант Кузнецов Сергей Павлович, русский, холост, девятнадцати лет, комсомолец, в армию призван в 1941 году.

Самолет имел две пулеметные установки и нес 900 килограммов бомб. Он миновал линию фронта и прошел над Белоруссией. Люди, сидевшие в нем, обхитрили противника при переходе линии фронта. Они прорвались сквозь расставленные почти по всему маршруту ловушки: аэродромы истребителей, зенитную артиллерию, аэростаты заграждения. Они скрывались в облаках от увязавшихся за ними возле Минска истребителей. Они стороной обошли Сувалки - там их ждали эрликоны. Они пять часов выдерживали нечеловеческое напряжение ночного полета, когда только фосфоресцирующий свет приборов да зеленоватые точки звезд служили им ориентирами, а единственной связью с окружающим миром был гул бомбардировщика, ставший почти осязаемым, и вторглись в воздушное пространство Германии.

1

- Командир, курс двести семьдесят, - раздается в наушниках голос штурмана. Пилот разлепляет губы.

- Понял. Двести семьдесят.

Он едва ощутимо давит кончиками пальцев на штурвал. Самолет медленно кренится, потом так же медленно выравнивается и застывает.

- Есть. Взял двести семьдесят. Пилот сидит так же неподвижно, глядя немигающим взглядом на большую зеленоватую звезду над обрезом кабины. Лицо его холодно и спокойно.

- Штурман, у вас все в порядке?

- Все в порядке, командир.
- Стрелок, у вас все в порядке?
- Как сказать, командир... Я думаю, все в порядке.
- Вы думаете, или у вас на самом деле все в порядке?
- За нами идет самолет неизвестной принадлежности. Летчик сдвигает брови.

- Далеко?
- Четыреста метров.
- Давно он идет за нами?
- Полторы минуты, командир.
- Почему не сообщили мне об этом сразу?
- Я думаю...
- Стрелок, меня не интересует, что вы думаете. Ваша обязанность немедленно докладывать мне об изменении воздушной обстановки. Вы поняли?

- Так точно, командир. Но обстановка не меняется. Я все время держу его в прицеле. Если он вздумает безобразничать...

- Стрелок, прекратите болтовню. С таким же успехом и он нас может держать в прицеле, Стрелок обижается.

- Да нет, командир, он идет с огнями. Я подумал, что не стоит вас беспокоить лишний раз. Пока он держится вполне прилично. Пилот шумно выдыхает, но сдерживается:

- Ладно. Благодарю за заботу о моем спокойствии. Вы хорошо его видите, стрелок?

- Очень хорошо. Я мог бы срубить его одной очередью. Может, позвольте, командир?

- Нет! Он отстает или догоняет?

Несколько секунд в наушниках стоит тишина. Потом стрелок говорит:

- Он... отстает. Да, отстает, командир. С отворотом на юг.

- Хорошо. Следите за воздухом. И не забывайте докладывать о... прилично ведущих себя объектах.

- Понял, командир. Простите, командир.

- Прощаю, - ворчит пилот. - Штурман, как курс?

- Курс хорош, командир.

...Командир полка полковник Баклыков долго тер ладонью лоб и хмурился. Наконец он поднял глаза на Добруша.

- Садись, Василий Николаевич... - Он подвинул к нему пачку папирос, потом вспомнил, что Добруш курит трубку, и чертыхнулся. - Будь ты все неладно!.. Как ты себя чувствуешь? Капитан приподнял брови.

- Хорошо.

- Ладно. Вот что. Сегодня ночью наши соседи пойдут на Кенигсберг. Мы посоветовались и решили послать тебя с ними...

Многие уже регулярно совершали налеты на военные объекты Германии. Полк, где служил Добруш, только приступал к ним. Неделью назад на Кенигсберг вместе с соседями ушел первый самолет. Потом еще два. Ни один из них не вернулся.

"Так, - подумал Добруш. - Правда, дело упрощается тем, что идти придется с группой. Но техника..."

Новых машин полку еще не дали, хотя и обещали со дня на день.

- Как только мы получим пополнение и новую технику, полк полностью переключится на Берлин, Кенигс- берг, Данциг. А без опыта, сам знаешь...

- Ясно, - сказал Добруш. - Разрешите идти готовиться?

- Подожди. - Полковник потер ребром ладони переносье и вздохнул. - Как у тебя штурман и стрелок?

- Для такого полета не годятся.

- Подбери сам штурмана и стрелка и доложи мне. Можешь взять из любого экипажа.

- Слушаюсь, товарищ полковник.

- Да брось ты эту официальщину! - поморщился полковник. - Меня зовут Анатолием Андреевичем.

- Спасибо, Анатолий Андреевич. Полковник усмехнулся:

- Вот так-то лучше... Ах, черт, - воскликнул он в следующее мгновение. Не хочется мне посылать тебя на это задание. Но мне нужен хороший командир эскадрильи. А с твоим прошлым...

- Не будем об этом, Анатолий Андреевич, - поспешно перебил Добруш. - Это касается только одного меня.

- Меня это касается еще больше, - возразил Баклыков. - Слишком большая роскошь держать тебя на звене, в то время как у меня нет приличных комэсков. Ну, ладно. Иди. И возвращайся.

- Постараюсь.

Выйдя наружу, Добруш посмотрел на восток. Было рано, но небо уже высветлилось. По нему плыли темные облака.

"Ветер северный, двадцать метров, - машинально отметил капитан. - Если к ночи не утихнет, снос будет большим, придется экономить горючее".

Он шагал по невысокому березняку. Он был среднего роста, грузный, рыжеватый, с плоским красным лицом и редко мигающими зелеными глазами. Левую щеку его от глаза до мочки уха пересекал безобразный шрам - памятка первого дня войны, когда он поднимал свою эскадрилью, из образовавшегося на аэродроме крошева. Тогда он еще был истребителем.

- Василь Николаевич! - окликнули его. Капитан замедлил шаг, потом повернулся и поднял глаза. Его догоняла маленькая белокурая женщина в гимнастерке и юбке защитного цвета.

- Что же вы это не заходите? - спросила она с упреком, подойдя ближе. Совсем нас забыли? Он покачал головой.

- Не в этом дело. Просто...

- Просто... что?

Добруш хотел зайти, но потом передумал. Он знал, что она была бы рада. Она всегда радовалась его приходу и всегда пугалась. Как будто между ними должно было произойти что-то такое, чего уже нельзя поправить. Ее звали Анной. Она работала телефонисткой в штабе.

Иногда ему с ней было хорошо, особенно после возвращения из полета, пока он был полон гулом и грохотом, пока все вокруг качалось и подпрыгивало и он медленно приходил в себя после той вистопляски, из которой только что вырвался.

Но чаще было плохо. Он всегда мучительно переживал неопределенность. Даже в полетах для него хуже всего было не тогда, когда начинали вспухать дымки зенитных разрывов и по воздуху хлестали, словно плети, пулеметные трассы, а пока небо было мирным и спокойным. Пока все спокойно, никогда не можешь знать, откуда тебя ударят.

В отношениях с этой женщиной все было неопределенно.

Прояви он чуть больше настойчивости, обоим стало бы легче. Наверно, она сопротивлялась бы и после упрекала его. Но у нее было бы утешение, что ей ничего не пришлось решать самой, а он покончил бы со своим прошлым.

Он понимал это. Но все было не так просто. И его прошлое. И ее - которого он не знал, но всегда чувствовал в том напряжении, которое заставляло со деревенеть, как только он приближался. Нет, не стоило ворошить все это.

- Почему вы молчите? - спросила она. В ее голосе прозвучала обида.

- Я был занят, - сказал он. Она подумала; "Нет". Потом спросила:

- Зачем вас вызывали? Вам лететь? Ему не хотелось говорить правду, но не хотелось и лгать.

- Нет. То есть да. Пустяки.

- Когда?

- Вечером.

- Вечером...- сказала она. - Вон что... Она вдруг прикусила нижнюю губу и ударила друг о дружку сжатыми кулачками.

- Кенигсберг. Так?

- Да, - неохотно сказал капитан. - Откуда вы знаете? Она не ответила.

- Я только не знала, что это вы. Ох!..

- Что такое с вами? - спросил капитан, взглянув на нее с

беспокойством. Вам нехорошо?

- Но почему - вы? Капитан передернул плечами.

- Кому-то все равно надо, правда? Почему же не мне?

- Потому... потому... А разве вам самому хочется лететь?

- Не знаю. Задание мне не нравится, - признался он неожиданно. - Но ничего не поделаешь. Да и... послушайте, почему вы никогда не одеваетесь как следует? - спросил он с досадой, заметив, что она вся дрожит. - Вы же простудитесь! Она как-то сразу погасла.

- Да, - проговорила она уныло. - Ничего не поделаешь... Господи, как бы я не хотела, чтобы вы улетали именно сегодня! Нельзя разве отложить?

- Обычно таких вещей не делают, - пояснил капитан терпеливо. - Да и с какой стати? Ведь это моя работа.

- Да, с какой стати... - повторила она.

- У меня сегодня день рождения. Я хотела... я думала...

Капитан склонил голову.

- Поздравляю вас.

- Спасибо. Я...

- Сколько вам?

- Двадцать шесть.

- Вы очень молоды, - сказал капитан. Он вздохнул. - А я вот уже совсем старик.

- Это не имеет значения, - возразила она.

- Очень даже имеет, - невесело усмехнулся капитан. Он подумал, что это имеет даже слишком большое значение, особенно когда к сорока годам выясняется, что ты остался ни с чем, но ничего не сказал. Это касалось только его одного.

- Ничего вы не понимаете! - воскликнула она, и капитан с удивлением увидел на ее глазах слезы. - Ничего! Почему вы меня ни разу не поцеловали? Капитан смешался.

Похлопав руками по карманам, он вытащил трубку, повертел ее в руках и сунул обратно. Потом поднял глаза.

- Серьезный вопрос, - проговорил он наконец. - Так сразу даже и не ответишь. Он взял ее за плечи и склонился.

- А теперь идите. И одевайтесь впредь как следует, - сказал он сердито.

"Черт те что! Хотел бы я знать, кто из нас больший дурак", - подумал он.

- И перестаньте, пожалуйста, реветь. Совсем это вам ни к чему.

- Хорошо, - сказала она. - Ох! - вырвалось у нее вдруг. - В жизни себе не прощу, если с вами что-нибудь случится... Вы... вы... вернетесь?

- Постараюсь, - буркнул капитан. - Идите, идите. Он повернул ее за плечи и подтолкнул на тропинку. Она сделала несколько шагов, потом остановилась и долго глядела вслед, пока капитан не скрылся за деревьями.

2

- Стрелок, как самолет? - спрашивает летчик.

- Отстал, командир. Огней почти не видно.

- Больше ничего подозрительного нет?

- Ничего, командир.

- А у вас, штурман?

- Все в порядке, командир. Через двадцать две минуты - цель.

- Стрелок, вы слышали? Кенигсберг - через двадцать две минуты.

...Он спустился в землянку. После гибели своего прежнего экипажа он жил здесь один.

- Черт те что! - проворчал он с раздражением. Хорошенькая история, ничего не скажешь.

Он прошелся из угла в угол. Здесь было полусумрачно. Возле единственного небольшого окошка стоял грубо сколоченный из сосновых досок стол и рядом две табуретки. Напротив - пары с постелью, застланной байковым одеялом. Из-под пар выглядывал побитый угол чемодана. Возле двери стояла железная печка, вернее, приспособленная под печку бочка из-под бензина.

Сбросив куртку, капитан присел к столу и подвинул к себе планшет. С минуту он смотрел на карту неподвижным взглядом, заставляя себя сосредоточиться.

- Черт те что, - сказал он еще раз, уже потише. Он потер ладонью лоб. Потом вынул карту из планшета, расправил ее и взял карандаш.

Кружочки, стрелки, крестики... Как только над ними раздается гул моторов, они превращаются в косые прожекторные лучи, лес зенитных стволов, аэростатные заграждения, аэродромы истребителей. Они сжимают самолет мертвой хваткой и держат до тех пор, пока он не становится пылающим факелом. Капитан Добруш знал, что это такое. Даже на том, сравнительно небольшом и спокойном, участке, где полк действовал до сих пор. Но здесь по крайней мере всегда было утешение, что через две, три, десять минут все кончится. Не надо иметь богатое воображение, чтобы представить, как пойдут дела, когда самолет заберется в это осиное гнездо на много часов...

Кружочки и крестики нанесены на карте вдоль линии фронта на глубину максимум в сто километров. А что ждет дальше? Что ждет в самой Германии?

Маленькая женщина, о которой он недавно думал, все больше

становилась чем-то далеким и нереальным и, наконец, совсем выпала из сознания. Теперь он думал о противовоздушной обороне, самолете, экипаже, горючем, ветре и облаках.

Но самое главное - машина. До него на Кенигсберг из полка летали три экипажа. Они улетали на исправных машинах, только что полученных с завода. Его машина после недавней передряги, когда он потерял экипаж, стоила немногого. Он вспомнил лица штурмана и стрелка, которым он объявил, что те не пойдут с ним в полет. Оба страшно обиделись.

- Но ведь мы готовы на любое задание, товарищ командир!

Святая наивность. Как будто для выполнения задания не нужно, чтобы машина была не барахлом, а машиной, чтобы пилот умел провести ее сквозь игольное ушко, чтобы штурман сбросил бомбы в считанные секунды и чтобы стрелок мог попасть в комара. А эти едва успели закончить курсы по ускоренной программе...

Он достал трубку и порывлся в карманах, но спичек не оказалось. Капитан чертыхнулся и вышел из землянки.

Со стороны стоянки доносился грохот прогреваемых моторов, мимо проезжали грузовики, в кузовах которых тускло поблескивали тела бомб, между деревьями то там, то здесь мелькали торопливые фигурки механиков. Метрах в ста под старой березой лежало несколько летчиков. Капитан направился было к ним, но в это время справа показался майор Козлов, командир третьей эскадрильи.

Капитан поморщился. Сейчас ему меньше всего хотелось встречаться с Козловым. Он знал, что тот его терпеть не может, хотя и не понимал, чем он ему досадил.

- Ты выглядишь молодцом, - проговорил майор, подходя. - Ну как? Говорят, ты сегодня летишь на Кенигсберг?

Капитан приподнял брови. До сих пор о таких полетах в полку не говорили. О них узнавали лишь после того, как экипажи не возвращались. Кто это говорит? спросил он.

- Ну, мало ли... - Майор засмеялся. - Чертовски сложное задание.

- Гм... - сказал капитан неопределенно.

- Мне бы оно не понравилось. Но ведь ты у нас герой...

Капитан взглянул на майора и пожал плечами. "Жаль, подумал он. - Жаль, что он так злится".

- Только знаешь что? - проговорил тот. - Не злоупотребляй перед такими полетами женщинами. Это вредно отражается на здорье.

Капитан знал - на войне нервное перенапряжение, усталость, раздражение иногда прорываются самым неожиданным и

странным образом. Ему приходилось видеть, как мужчины плакали, катались по полу или становились агрессивными и искали ссоры.

- Я пока на здоровье не жалуясь, - сдержанно проговорил он. Козлов шагнул к нему и схватил за локоть.

- Ну вот что. Хватит. Оставь Анну в покое. Слышишь? Капитан поглядел на него с любопытством,

- Это приказ или дружеский совет?

- А как тебе больше нравится. Капитан усмехнулся.

- Что-то, майор, вы в последнее время требуете от меня слишком много личных услуг.

- Личных? - проговорил вдруг тот, взглянув на капитана со злобой. - Это не личные. С самого первого дня в полку ты путаешься у меня под ногами как... как.., И еще здесь Кенигсбергом решил разжалобить?

Вся эта сцена казалась капитану до того нелепой, что он просто не мог принимать ее всерьез.

- Будет вам, - сказал он примирительно. - Вы просто устали... после самому будет неудобно. Давайте перенесем этот разговор на завтра. Майор язвительно рассмеялся.

- Ты уверен, что у тебя будет завтра? Капитан поглядел на него внимательнее. "Вот как", - подумал он.

- Разве нет?

- На чем ты полетишь? И с кем? Нет, дорогой, похоже, что завтра у тебя не будет...

- Вот видите, как все хорошо устраивается, - сказал Добруш. - Зачем же нам ссориться? Подождите до завтра, и все образуется... Кстати, спичек у вас нет?

- Че...го?

- Спичек. А то у меня трубка погасла.

Майор непроизвольно сунул руку в карман, но потом опомнился и, обжегши капитана злобным взглядом, быстро пошел прочь. Добруш, глядя ему вслед, покачал головой. "Надо же, - подумал он. - Кругом кровь и смерть, а этот находит время заниматься мелочными дразгами... Непостижимо. А впрочем, жизнь-то из-за войны не остановилась... Но говорить такие слова человеку, которому лететь на Кенигсберг... Черт знает что такое! " Он медленно направился к летчикам.

3

Едва он вернулся в землянку, как вслед за ним спустился старший лейтенант Царев.

- Ну вот, - сказал он, - ну вот. А я тебя разыскиваю. Безобразие! Такой холод, а я все потею. Наталья Ивановна говорила: не выходи на улицу потным, схватишь воспаление

легких или что-нибудь похуже. Ничего не могу поделать... Здравствуй.

Царев был в теплой куртке, меховых штанах и унтах. Он не боялся ни пуль, ни снарядов, но очень боялся простуды. Его жена, Наталья Ивановна, умерла года четыре назад, но продолжала оставаться для него непререкаемым авторитетом во всех житейских делах.

- Добрый день. Серафим Никитич, - сказал капитан. - Проходите.

Царев снял фуражку, бережно положил ее на край стола и, вытащив большой красный платок, прогладил лысину. Затем опустился на табуретку и поерзал, устраиваясь удобнее.

Этот человек везде чувствовал себя дома, был со всеми на ты, не признавал чинопочитания и был убежден, что окружающие относятся к нему так же хорошо, как и он к ним. Тут он, конечно, несколько заблуждался. Он был слишком мягок. Видимо, потому в свои сорок пять лет все еще оставался старшим лейтенантом.

- Ф-фу! Ну и духотища! - сказал Царев ворчливо. - Да. Так что у тебя все-таки случилось в последнем полете? - спросил он без всякого перехода.

Добрую, набивавший трубку, поднял голову и нахмурился. Он не ожидал, что Царев заговорит об этом, и некоторое время молчал.

- Северцев должен был подавить зенитную батарею, а мы - бомбардировать станцию, - сказал он наконец. - Но его сбили раньше. Пришлось заняться этим мне.

- Ну вот, ну вот. - Царев всплеснул руками. - Я так и думал. Не кури, пожалуйста. Многие этому не верят. Капитан кивнул.

- Я знаю.

- Вот видишь. Ох! Надо тебе быть хитрее. Наталья Ивановна всегда говорила: не хитри с работой, но с начальством держи ухо востро. И она права!

Капитан улыбнулся. Сам Царев этим ценным советом, видимо, так ни разу в жизни и не воспользовался.

- Начальство здесь совершенно ни при чем. Сплетнями занимается не начальство.

- Почему ты не оставил хотя бы пару бомб для станции?! - не слушая его, вскричал Царев. - Почему? Тогда у них не было бы зацепки. Ведь Козлов всем нашептывает, будто ты побоялся идти на станцию... Ну хоть одну бомбу ты мог бы сэкономить!

- Пушки стояли в бетонных бункерах. Нам пришлось сделать четыре захода.

- Поэтому и погибли штурман со стрелком? Капитан снова кивнул.

- Бомбометание по площади не годилось, - пояснил он. - Надо было уничтожать каждый бункер отдельно. Стрелок был ранен во время первого захода. Потом убит штурман. Последней бомбой мы накрыли последний бункер.

Он никому не рассказывал, как это произошло. Во время первого захода стрелку раздробило руки. Потом, при втором заходе, осколок попал ему в живот. Стрелку было всего восемнадцать лет.

Штурман погиб во время последнего захода. Он успел сказать: "Командир, меня убили". Осколок попал ему в сердце.

Самое страшное, что он ничем не мог помочь своему экипажу.

- Козлов болтает, что ты виноват в их гибели...

- Знаю, - капитан зажег спичку и поднес ее к трубке.

- И ты говоришь об этом так спокойно!.. Почему ты не доказывал? Почему не рассказал, как было дело? Капитан пожал плечами.

- Кому? Козлову?

- Ну, все-таки...- Царев вздохнул, вытащил платок и снова промокнул лысину. - Ты сегодня летишь на Кенигсберг, - сказал он, не спрашивая, а утверждая.

Капитан поднял на него глаза. "Кажется, из всего полка о моем полете я знаю меньше всех остальных", - подумал он, усмехнувшись. Царев сложил платок и сунул в карман.

- Послушай, открыл бы ты дверь, а? У тебя тут задохнуться можно от дыма.

Капитан поднялся. Пока он ходил к двери. Царев сопел и потихоньку чертыхался.

- Это как - нибудь связано со станцией? - спросил он вдруг.

- Что?! - удивился капитан. - Каким образом?

- А таким - разозлился Царев. - Если разные козловы на каждом перекрестке кричат, что ты виноват в гибели стрелка и штурмана, то тут даже и штаб может задуматься... Почему именно тебя сейчас посылают на Кенигсберг? Почему нельзя подождать, пока придет новая техника? Ведь обещают со дня на день!

- Есть приказ, - сказал Добруш.

- Вот именно, есть приказ. Но почему не посылают другого? Меня, например?

- Это говорит Козлов?

- И не один он.

- Ладно, - сказал капитан. - Стоит ли обращать внимание на то, что говорят по глупости...

- А может, и не по глупости. Может, так оно и есть. Ты

подумал?

На трубке было выжжено: "Дарю сердечно, чтоб вместе быть вечно". Трубку подарила ему Мария в день свадьбы. Вечность продлилась три года. "Проклятые болота, - говорила она. - Проклятые леса. Проклятые самолеты". И однажды, когда он вернулся из полета, ни Марии, ни дочери Зоси не оказалось дома. Мария не хотела огорчать его прощанием...

Добруш потрогал пальцем трубку. Обычно надписи делают на фотокарточках. "Дарю сердечно, помни вечно". Кажется, так.

- Что ты намерен делать? - спросил Царев. - Да не молчи ты как кол, господи Боже мой!.. Капитан оторвал взгляд от трубки.

- Выполнять задание. Царев поднял руки.

- Выполнять задание! - заорал он. - Ну, конечно! Конечно, выполнять задание! Как? У тебя есть экипаж? Есть машина? Да разве только в этом дело! Вспомни о первых трех самолетах. Они были вполне исправны, но и они... Добруш покачал головой и усмехнулся.

- Сегодня я только тем и занимаюсь, что вспоминаю.

- Он еще смеется! - Царев вскочил с табуретки и с негодованием схватился за фуражку. - Вставай! - потянул он капитана за рукав. - Идем к полковнику! Мы расскажем... Мы добьемся, чтоб приказ отменили! Пусть они не воображают...- он погрозил кулаком. - Это обреченное задание. Пусть они...

Капитан отвел руку Царева.

- Не надо так волноваться. Серафим Никитич. И идти никуда не надо. Полковник дает мне хороший экипаж, да и пойду я в составе группы...

- Это не имеет значения! - крикнул Царев в запальчивости. - При чем тут группа, если ты не сможешь вернуться?!

- Я вернусь.

Царев выпрямился и с минуту с изумлением смотрел на капитана.

- Вернешься? Из такого полета?!

- Другие возвращаются.

- Не на таких машинах!

- Моя машина не так уж плоха. Да и... видите ли, все не так просто. Я вовсе не хочу, чтоб приказ отменили.

- Что ты такое городишь?! - разозлился Царев. - Как - не хочешь?

- Я полечу на Кенигсберг, - сказал капитан. - Не стоит больше об этом говорить.

Царев застыл с открытым ртом. Вид у него был как у ребенка, которому показали блестящую игрушку и тут же отняли ее.

- Но ведь у тебя... Послушай, может, я мог бы слетать вместо

тебя? проговорил он почти жалобно. - У меня неплохой экипаж, да и машина получше... Зачем тебе ломать шею?

- Я ничего не сломаю, - сказал капитан, - И потом, есть еще одно обстоятельство...

- Какое? Капитан вздохнул.

- Хочу посмотреть Белоруссию. Царев широко раскрыл глаза.

- Что?! При чем тут Белоруссия?!

- Видите ли... Однажды я там родился,

- Родился. Ну и что?

- Вы правы. Ничего особенного. - Ему вдруг стало скучно. - Давайте прекратим этот разговор, Царев пристально поглядел на него и покачал головой,

- Что ж, - сказал он. - Я предупредил. - Он нахлобучил фуражку и повернулся к двери. Уже выходя, на удержался и крикнул: - Все в этом полку с ума пасходили! Все! Наталья Ивановна говорила: держись от сумасшедших подальше! И она права!

Он так хлопнул дверью, что с потолка посыпалась земля. Капитан остался один.

Он увидел Белоруссию - сплошное огромное черное пятно. И только один огонек, где-то под Минском, который начал мигать при их приближении. Штурман прочел морзянку:

- Т-р-э-б-а з-б-р-о-я... Трэба зброя. Командир, что это значит?

- Нужно оружие, - угрюмо перевел пилот. Огонек мигал долго и настойчиво, он терпеливо просил после того, как они миновали его:

- Трэба зброя...

4

- Командир, курс триста двадцать, - говорит штурман.

Капитан трогает штурвал и делает правый разворот. Он ждет, пока цифра "315" на картушке компаса подходит к указателю. Затем выравнивает самолет. По инерции машина еще продолжает разворачиваться, и, когда две светлые черточки совмещаются в одну, пилот компенсирует инерцию едва ощутимым движением руля поворота.

- Взял триста двадцать.

Теперь звезда, на которую он летел до сих пор, сместилась влево.

Взгляд пилота пробегает по приборам, не задерживаясь ни на одном. Температура масла, расход горючего, высота, скорость, наддув, обороты винтов...

Приборы - язык, на котором разговаривает с ним самолет. В первые годы работы Добруша самолет говорил на чужом языке. Приходилось прилагать все внимание, чтобы понять, о чем

говорит машина. Сейчас это получается без участия сознания.

В его глазах раз и навсегда запечатлелось то положение стрелок, рычагов, тумблеров, огоньков сигнальных лампочек, при котором даже мимолетного взгляда достаточно, чтобы в мозг поступало сообщение: "Нормально, нормально, нормально..." Но стоит отклониться одной-единственной стрелке, потухнуть лампочке, и привычная картина нарушается, в мозг поступает тревожный сигнал: "Опасность!" Пилот еще не успел осознать, в чем она заключается, но уже начинает действовать, только задним числом понимая, что на это сообщение машины он и в самом деле должен был убрать газ, переключить тумблер или уменьшить тангаж.

- Командир, режим!

У него хороший штурман. Он знает свое дело. Хороший штурман, еще не оторвавшись от земли, думает о ветре. Он всегда с недоверием относится к гряде метеосводок, которыми его снабжают перед полетом. Едва поднявшись в воздух, он хочет сам узнать скорость ветра, его направление, снос машины. И, как правило, его данные резко отличаются от тех, которые он получил на земле. Земля всегда отстает от событий, происходящих в воздухе.

А сейчас, перед бомбометанием, ветер штурману особенно нужен...

Две минуты, пока штурман, припав к окуляру визира, ловит одному ему видимые ориентиры, кажется, что машина замерла в воздухе. Ни одна стрелка не сдвигается даже на десятую долю миллиметра.

- Промер окончен, - сообщает штурман. - Хороший ветерок получился, командир! Повторять не надо.

Приятно дать штурману хороший ветер. Штурманы редко бывают довольны ветром. Иногда приходится повторять режим по три, четыре, пять раз, и тогда работа летит к чертям. Тогда каждый думает о том, чтобы хоть как-то разделаться с этим проклятым полетом, от которого добра ждать не приходится. Они хорошо работают. Они хороший экипаж.

- Командир, осталось семнадцать минут.

- Понял. Стрелок, вы слышали? До Кенигсберга - семнадцать минут.

- Слышу. Семнадцать.

- Как кислород?

- В порядке, командир. Идет.

- Штурман, у вас как с кислородом?

- Все хорошо. Спасибо. Командир, начинайте набор. Держите шесть метров в секунду.

- Понял. Шесть.

Нос самолета чуть приподнимается. Они уходят от земли все дальше. От враждебной земли, на которой рассыпано довольно много огней. Но эти огни капитана на радуют. Они вызывают в нем раздражение и глухую злобу.

5

...Когда Царев ушел, капитан поднялся и развел в печурке огонь. Подбросив дров, он посидел, задумчиво глядя на пляшущие язычки пламени.

Майор Козлов и старший лейтенант Царев... Один терпеть не может его, Добруша, второй расположен настолько дружески, что готов на самопожертвование. А в итоге - горечь от встречи и с тем, и с другим. Ну что стоило Цареву сказать, что машина у него, Добруша, не так уж и плоха, а полет на Кенигсберг - это задание, с которым справится и ребенок? Зачем искать какие-то другие причины полета на Кенигсберг, кроме тех, которые есть на самом деле?

Капитан вздохнул. Им овладела странная апатия, в мозгу проносились обрывки мыслей, никак не связанных с предстоящим полетом. Лицо погибшего стрелка, истребитель "И-16", на котором он летал в начале войны, маленькая женщина, штурман Назаров, трубка "Дарю сердечно..."

До вылета оставалось тринадцать часов. "Ладно, - подумал он. - Я должен бомбардировать Кенигсберг, и покончим с этим".

Он снова подумал о штурмане Назарове. Вот кто ему нужен. Назаров хороший штурман. Правда, он из экипажа Козлова, и это даст майору лишний повод для различных домыслов. Но с этим считаться не приходится. Капитан поднялся и снял с гвоздя куртку. Но в этот день все складывалось неудачно. Не успел он одеться, как снаружи послышался шум шагов и в землянку спустился старшина Рогожин.

- Можно, командир?

- Входите, - буркнул Добруш, окидывая взглядом землянку в поисках фуражки.

Старшина остановился у порога и переступил с ноги на ногу. Он был тучен, форма сидела на нем мешком.

- Василь Николаич...- прошепелявил старшина, прижимая руку к левой щеке.

- Что это с вами? - спросил капитан. - Простыли? Рогожин помотал головой.

- Зуб проклятый... Хоть матом кричи.

- Коренник?

- Коренник, Василь Николаич.

- Плохо дело. Лечить надо.

Добруш похлопал рукой по одеялу на варах, приподнял подушку. Фуражки нигде не было.

- Вылечишь зверюгу... как же. Доктора три раза драли.

- Не помогло?

- Укоренился.

- Плохо дело, - повторил капитан. Рогожин тяжело вздохнул.

- Василь Николаич?, а Василь Николаич...- сказал он после молчания. - Вам надо поглядеть левый мотор.

- Что там еще? - недовольно спросил Добруш.

- Сбрасывает обороты.

- Знаю. Я проверял вечером.

- Сейчас он сбрасывает почти сто пятьдесят, - тихо сказал старшина.

Капитан повернулся к Рогожину, вынул изо рта трубку и внимательно поглядел на него.

- Зажигание проверили?

- Все проверили, Василь Николаич. Дело не в том. Капитан сдвинул брови.

- А в чем?

- Мотор после второй перечистки.

- Правый тоже после второй перечистки. Старшина тихонько вздохнул.

- Это правда, Василь Николаич. Только в нем не взрывалось полтонны железа. Добруш поморщился.

- Ну, это преувеличение.

- Не, Василь Николаич, - покачал тот головой. - Не преувеличение. Вы посмотрели бы, какая там была каша после...

- Да, да, - нетерпеливо сказал капитан. - Это большое упущение с моей стороны. Впредь буду внимательнее.

О том, в каком состоянии был мотор, когда он посадил машину, капитан знал не хуже Рогожина. Они вместе проверяли его, и Рогожину не стоило говорить об этом. Старшина смутился.

- Простите, Василь Николаич...

- Прощаю, - буркнул тот. - Что вы предлагаете? Старшина сдвинул стоптанные каблуки, втянул, насколько это было возможно, перевалившийся через ремень живот и приложил руку к пилотке.

- Товарищ командир, предлагаю выбросить мотор в металлолом.

- Так...

Наконец Добруш вспомнил, что оставил фуражку в штабе. "Этого еще не хватало, - подумал он с раздражением. - Сегодня я делаю глупость за глупостью. Если мотор сбрасывает сто пятьдесят оборотов, то никакой штурман не поможет. И можно

обойтись без фуражки". Он потер рукой лоб.

- Ладно. Сейчас посмотрим.

6

Самолеты стояли на опушке березовой рощицы, Еще несколько дней назад здесь было тридцать семь машин, внушавших уважение своим грозным видом. Сейчас их осталось всего шестнадцать - усталых птиц с покалеченными крыльями, пробитыми фюзеляжами, обнаженными моторами. И аэродром оказался непомерно велик. Од превратился в огромную пустыню.

...Это случилось в тот день, когда они бомбардировали станцию. Самолет только успел приземлиться, как в воздухе раздался гул моторов. Добруш, помогавший санитарам выносить из машины штурмана со стрелком, сначала не обратил на это внимания: может, возвращается задержавшееся звено. Потом что-то словно кольнуло его, и он обернулся. С востока, из-за кучевого облака, звена за звеном выплывали черные косокрылые "хейнкели".

Добруш бросился в кабину бомбардировщика. Обламывая в спешке ногти, пристегнулся к сиденью и запустил моторы. Он еще успел заметить, как справа, слева от него тоже забегали летчики, бросились к машинам, - и дал двигателям полные обороты. Не разворачиваясь, прямо со стоянки он начал разбег поперек поля. За ним потянулось еще несколько самолетов. А "хейнкели" уже совсем рядом. Он был в воздухе, когда первая волна от взрыва тряхнула самолет, едва не опрокинув его.

...Добруш со старшиной прошли по стоянке мимо темных масляных пятен, расплывшихся там, где раньше находились машины, мимо красных противопожарных щитов с ненужными теперь ведрами и лопатами, мимо ящиков с песком, в которых валялись еще не успевшие почернеть окурки. Когда-то все это имело смысл. Но хозяев не стало, и ящики, щиты, пятна, забытые ведра казались теперь непугливыми и странными - вещи, утратившие связь с человеком.

- Металлолом... а мне говорят - ремонтируй, - проговорил старшина, задыхаясь и старательно обходя баллоны с кислородом. - Нельзя ремонтировать то, что никакому ремонту не подлежит, Василь Николаич. Вот чем это кончается, когда думают не головой, а задницей.

Капитан вытащил из кармана трубку и, не зажигая ее, сунул в зубы. Потом внимательно поглядел на Ро- гожина.

- Что это с вами, старшина?

- Василь Николаич, нельзя вам лететь на такой машине!

- Кто вам сказал, что я лечу?

- Незачем мне говорить, - угрюмо возразил тот. - Я не слепой.

- Гм...- сказал Добруш. Он поспешно похлопал по карманам и, достав спички, прикурил. - Кажется, зуб у вас перестал болеть?

Старшина на мгновение приостановился и посмотрел на капитана с укором.

- Ну зачем вы так, Василь Николаич? - спросил он. - Мы ж не дети. Добруш положил руку ему на плечо.

- Мир устроен немножко хуже, чем нам хотелось бы, правда? - Он вздохнул. Не сердитесь, старшина. Я не хотел вас обидеть.

Несколько минут они шагали молча. Потом капитан спросил:

- Пулеметы в порядке?

- В порядке.

- Баки?

- Тоже. Все остальное в порядке. Все, кроме моторов. Так что можете считать, что все не в порядке.

- Ладно, ладно, - проворчал капитан. - Это я уже слышал. Не нужно вам так много повторять одно и то же.

Вчера вечером, когда он проверял самолет, дело не казалось таким безнадежным. Правда, тогда и приказа лететь на Кенигсберг не было. "Обреченное задание"...

- Глупости, - пробормотал Добруш.

- Что вы сказали? - встрепнулся старшина.

- Так, ничего.

Машина находилась в самом конце стоянки. Четыре дня назад, когда Добруш посадил ее, это была груда металлолома. Когда самолет коснулся земли, левая консоль отлетела. В крыльях же и фюзеляже было столько дыр, что капитан и считать их де стал.

Сейчас самолет уже походил на боевую машину. Крылья были отремонтированы, дыры в фюзеляже залатаны, установлен пулемет стрелка. Возле машины сновали механики.

- Проверните винты, - сказал капитан старшине.

- Прокопович, с мотора! - крикнул тот механику, сидевшему верхом на левом капоте. - Провернуть винты!

Солдат скользнул вниз. Добруш поднялся в кабину и положил руку на секторы газа.

Уже по тому, как вяло взял левый мотор первые обороты, капитан понял, что он сдал окончательно. На всякий случай Добруш прогнал его и на других режимах, но мотор начал чихать и захлебываться.

Капитан выключил зажигание. Он еще посидел в кабине, потом спустился на землю.

"На такой машине, пожалуй, можно взлететь, - подумал он. - Но садиться уже не придется. Больше часа она не продержится". С минуту он глядел на мотор.

- Старшина!
- Я здесь, командир, - шагнул тот из-за шасси.
- Снимите мотор.
- Есть! - обрадованно воскликнул тот.
- Постарайтесь уложиться в четыре часа.
- Будет сделано, командир! Ну и рад же я, командир! - Старшина потрогал щеку. - И фашист вроде присмирел. Эй! - крикнул он механикам. - Снимать мотор! Быстро! Солдаты бросились к самолету.

7

Из-за бомбосклада, тяжело рыча, выполз трехтонный грузовик.

В кабине рядом с шофером сидел капитан Добруш. В кузове разместились четверо механиков. Там же стояла лебедка.

- Быстрее, - попросил Добруш. Шофер покосился на летчика и крепче ухватился за руль.

- Мы можем врезаться в дерево, - сказал он. - Дорога слишком петляет.

- Постарайтесь не врезаться. Шофер передернул плечами.

- Мы едем достаточно быстро. Если поедем еще быстрее, то уедем не дальше ближайшей сосны.

- Давайте не будем спорить о соснах. Грузовик объехал поваленное дерево и запрыгал по неровной лесной дороге. Добруш внимательно посмотрел на шофера. На вид ему было около пятидесяти. Вряд ли он профессионал, скорее, до войны управлял какой-нибудь небольшой конторой. Капитан определил это по прозвучавшим в голосе шофера покровительственным ноткам. В армию попал недавно и еще не успел привыкнуть к тому, что здесь он просто рядовой Иванов или Петров.

- Как вас величают? - спросил Добруш.

- Иваном Ивановичем Санюшкиным, - сказал тот. И пояснил: - Я, знаете, в общем-то не шофер. До войны был на руководящей работе в Рославле. Слышали о Рославле? Добруш кивнул.

- Хороший городок, - сказал Иван Иванович. - Маловат, правда, настоящему работнику негде развернуться. Но - чистота, уют. Говорят, сожгли немцы, вздохнул он. - Не знаете?

- Нет, к сожалению, не знаю.

- Да... Война-это стихийное бедствие, - продолжал Иван Иванович. - Все сломалось. Меня, знаете, собирались в область выдвинуть, а тут - на тебе. - Он покачал головой. - Меня не хотели брать, стар, говорят. Но я был тверд как камень.

Тут Иван Иванович явно преувеличивал. Для кремня он был слишком кругл. "Наверно, конторой своей он руководил по-семейному, и его даже любили, подумал капитан. - И начальство

его не ругало".

- А все нехорошо получилось, - сказал Иван Иванович. - Я рассчитывал хоть батальон дадут, как - никак, у меня пятнадцатилетний опыт руководящей деятельности... Смешно. Из руководящего работника - шофером.

Он не жаловался. Он пытался понять, что же вдруг произошло. Было все так прекрасно, так устроено, был такой привычный мир, он там сжился с ним, и вот - его не стало.

- Да, это неприятно, - посочувствовал Добруш.

- И вы так думаете? - встрепенулся Иван Иванович. - Вот видите... Главное - не по-хозяйски. Нельзя так разбрасываться кадрами. Батальон мне вполне могли бы дать. Полк, пожалуй, не дали бы, да и я не претендую, но батальон...

- Не огорчайтесь, - сказал капитан. - Что поделаешь. Хорошие шоферы тоже нужны.

- Э, сказали, - возразил Иван Иванович. - Баранку крутить - дело нехитрое.

"А мы едем слишком медленно, - подумал Добруго. - И мне надо бы кое-что прикинуть..." Но ему не хотелось обижать шофера.

- Дорога как будто стала ровнее, - сказал он. - Поезжайте, пожалуйста, быстрее.

- Ну что вы - яма на яме, - возразил Иван Иванович. - Да и куда нам гнать?

- Нам нужно привезти на аэродром мотор. Если мы не привезем его вовремя, самолет не сможет уйти на задание, - пояснил капитан.

- И вы туда же, - неодобрительно сказал Ивап Ивановича. - Давай, давай, быстрее, быстрее... Что значит один какой-то самолет? Не улетит один - улетит другой...- Иван Иванович вздохнул. - Эх, не война бы... Ведь я сейчас уже руководил бы комбинатом. Представляете?

"Лучше бы ты как следует вел машину", - подумал Добруш.

- Иван Иванович, притормозите, пожалуйста, - попросил он. Шофер остановил машину.

- А теперь садитесь на мое место. Иван Иванович уставился на него с изумлением.

- Что?!

- Да и дорогу я знаю лучше, - пояснил Добрую.

- Вы что же - не доверяете мне?! - вскричал Иван Иванович.

- Я вовсе не хотел вас обидеть, - возразил капитан. - Но у нас слишком мало времени.

- Вы не имеете права отстранять меня от управления - загорячился Иван Иванович. - Я буду жаловаться, так и знайте!

- Ладно, ладно. - Капитан поморщился. - Перебирайтесь же. Иван Иванович наконец выбрался из кабины.

- Вы... вы... нехороший человек, вот что! - крикнул он, обходя машину. - И я не беру на себя ответственность за последствия !

"Что за напасть, - подумал капитан. - Этого мне еще не хватало..."

Он подождал, пока Иван Иванович поднялся в кабину, затем дал газ.

Сосны со свистом понеслись навстречу. Казалось, они отскакивали в стороны перед самым радиатором и сразу смыкались за машиной. Капитан не мигая смотрел вперед. "Надо мне не забыть поспать на обратном пути, - подумал он. Немногого я буду стоять в полете, если не посплю хотя бы час".

- Запоминайте дорогу, Иван Иванович, - сказал он. - Обратно вести машину придется вам самому.

- Отстаньте от меня, - огрызнулся тот.

- Ладно, ладно, - сказал капитан, выворачивая руль, так как дорога неожиданно вильнула в сторону. - Нечего вам злиться.

"Нечего им всем злиться, - подумал он, - потому что им не лететь сегодня на Кенигсберг. А мне еще нужно достать мотор, который может оказаться черт знает в каком состоянии".

Вспомнив о моторе, капитан помрачнел. Запасных моторов на складе не было. Но с неделю назад километрах в двадцати от аэродрома немцы подбили самолет из соседнего полка. Летчику удалось посадить машину. Потом приезжали механики и пытались спясть с нее моторы, но это им не удалось: на обратном кути они останавливались в полку, и Добруш слышал их разговор. По их словам, один из моторов вполне годный, и они собирались приехать за ним еще раз. Но почему-то так и не приехали.

Капитан видел эту машину во время последнего полета. Она стояла недалеко от какой-то деревушки посреди поля. Оба мотора были на месте.

Вернувшись с аэродрома, капитан сразу же направился к инженеру эскадрильи Лаптеву.

-Семен Константинович, дай мне человек трех-четырех механиков, - попросил он.

- Зачем они тебе? - удивился тот.

- Хочу снять мотор с подбитой машины.

- С той, что возле Знаменки?

- Да.

- Зачем он тебе?

- У меня левый никуда не годится.

- А что?! - воскликнул тот. - Это мысль! Чем добру

пропадать... Но на кой черт этим заниматься тебе? Вот что мы сделаем. Сейчас я организую людей и съезжу сам. Он было поднялся, но Добруш остановил его.

- Да куда тебе, ты же на ногах не держишься. У тебя и в эскадрилье дел по горло. А мне все равно надо посмотреть, что это за мотор. Инженер смущенно потер слипающиеся веки.

- Замотался в последние дни... Ладно, действуй.

Машина выпрыгнула из леса и покатила по лугу. Сильно запахло недавно скошенной травой. Вдоль каждого прокоса тянулись по две протоптанные борозды. Добруш машинально отметил, что убрали луг вручную женщины и ребяташки: такой узенький след не мог оставить мужчина.

Они нырнули в низину, потом переваляли маленький взгорок и промчались по пустынной словно вымершей деревне. Только из-под колес выскочил ошалевший петух, перелетел через плетень и заорал так, что его еще долго было слышно сквозь рев мотора.

Прогрохотал под колесами мост, и они увидели самолет. Добруш развернул машину, затормозил и вышел из кабины.

Видимо, на самолете летал очень хороший летчик. Это был единственный пятачок, где можно было посадить такую машину. Часть хвостового оперения была срезана пулеметной очередью. Снаряд разорвался в правом моторе и заклинил створки шасси. Летчику пришлось садиться на одну ногу. Он долго удерживал машину на пробеге, потом правое крыло упало и самолет развернуло. Может, пилоту повезло. Но, возможно, он сумел рассчитать посадку. Машина замерла прямо над оврагом.

Теперь Добруш понял, почему механики не смогли снять мотор. Капитан закурил трубку.

Он не заметил, как сзади подошел шофер и остановился рядом.

- Поворачивать, товарищ капитан?

- Что? - не понял Добруш.

- Обратно, говорю? - повторил тот.

- Обратно? - Он очнулся. - Нет, надо снять мотор.

- Но вы же видите, что это невозможно.

С самого утра его, как наваждение, преследует это слово. "Невозможно, невозможно, невозможно..." Да что они, сговорились, что ли?

- Это возможно, - жестко сказал он. - Невозможно не снять мотор. Понимаете?

- Понимаю...- Иван Иванович с растерянным видом огляделся и развел руками. - Понимаю, товарищ капитан. Господи боже мой... Но - как? Ахиллесова пята...

Он всплеснул руками и забегал, с отчаянием глядя то па

самолет, то на овраг.

Капитан перевел взгляд с Ивана Ивановича на стоявших рядом механиков.

- Начинайте снимать винт и капоты, - тихо сказал он. - И, пожалуйста, поторопитесь. Солдаты бросились к самолету. Добруш подошел к краю оврага. Если бы не овраг, можно бы подогнать кузов грузовика под мотор и опустить его вниз. Перетащить мотор через овраг? И думать нечего. Может, попробовать оттащить самолет?

Он поглядел на изуродованную машину и покачал головой.

Чтобы сдвинуть самолет с места, потребовался бы пяток тягачей. Капитан еще раз поглядел на овраг.

- Иван Иванович! - окликнул он шофера. Тот замер.

- Вы говорили, что были на руководящей работе...

- Да, да! - вскричал тот. - Пятнадцать лет как один день...

- Смогли бы вы организовать колхозников вон того села, - капитан указал на деревню, которую они только что проехали, - и засыпать овраг?

- Я?!

- Да, вы.

- Вы доверяете мне это?

- Очень бы вас просил.

- Можете на меня положиться! - Иван Иванович взглянул на овраг, потом на капитана. - Гениально! - вскричал он. - Единственно правильное решение... Но оно невыполнимо. Чтобы засыпать эту пропасть, нужно дня два.

- Даю вам два часа.

- Что?! Да за такое время...

- Выполнийте приказание.

- Да ведь это невозможно, товарищ капитан! Добруш пристально посмотрел ему в лицо.

- Мне крайне неприятно, - желчно сказал он, - мне крайне неприятно... но если через два часа овраг не будет засыпан, я вынужден буду вас расстрелять. Иван Иванович вытянулся.

- Я готов, товарищ капитан, - проговорил он с достоинством. Добруш прищурился.

- К чему вы готовы?

- Стреляйте, товарищ капитан.

- После того, как вы засыплете овраг. Если не уложитесь в срок хоть на секунду.

- Крайне неприятно, - сказал Иван Иванович, - но такой срок, к сожалению, ни в какие физические рамки не влезает.

- Постарайтесь, чтобы влез.

Добруш круто повернулся и направился к самолету. Иван

Иванович проводил его окаменелым взглядом.

Несколько секунд он стоял неподвижно, потом всплеснул руками и бросился к машине. Взревел мотор, и грузовик рванулся по полю...

8

Когда мотор был снят, капитан сел в кабину и откинулся на спинку сиденья.

- Разбудите меня на аэродроме, Иван Иванович, - сказал он шоферу. - Теперь можете ехать не слишком быстро.

Тело ломило от усталости, глаза слипались. Что-то кричали на прощанье женщины, но Добруш не смог даже поднять руку, чтобы помахать им в ответ. Он провалился в темноту.

Он не знал, долго ли спал. Но когда проснулся, машина все еще покачивалась на дороге. У капитана было такое ощущение, будто с ним только что случилось что-то хорошее. "Что же такое было? - попытался он вспомнить. Не открывая глаз. - Ах, да. Девочка. Вера". Он улыбнулся.

Пока он разъединял соединения, вертел гайки, выбивал шпонки, рядом на крыле стояла пятилетняя девчушка, Верочка. Она была такая хорошенькая и такая серьезная.

- Дядя летчик, а мама мне велела стеречь самолет от безобразников мальчишек, - это было первое, что она сказала. - Я уж стерегла-стерегла...

- Спасибо тебе, - сказал Добруш. - И маме твоей спасибо.

- Пожалуйста, - сказала она очень серьезно. Потом повернулась к работавшим внизу женщинам и крикнула: - Мама, мама, дядя летчик пересылает тебе спасибо!

Она внимательно следила большими синими глазами за работой пилота и механиков.

"Если она улыбнется, я вернусь, - неожиданно подумал капитан. - Ну, улыбнись. Пожалуйста",- мысленно попросил он. Девочка улыбнулась. Она была очень похожа на его Зосю... Машина подпрыгнула последний раз и остановилась.

- Приехали? - спросил Добруш шофера.

- Приехали, товарищ капитан. Добруш открыл глаза и взглянул на циферблат. Было двенадцать дня. До вылета оставалось восемь часов,

- Вам придется подождать, пока механики снимут с машины мотор, - сказал капитан шоферу, ставя ногу на подножку. - Затем вы съездите...

Он оборвал фразу на полуслове. Взгляд капитана остановился на самолете, на котором ему предстояло лететь и с которого он утром приказал снять мотор. Мотор не был снят.

Некоторое время капитан молча смотрел на машину. Потом

так же ровно закончил:

-... съездите на склад за бомбами и можете быть свободны.

Он вышел из кабины, похлопал по карманам и, достав трубку, сунул ее в зубы.

К нему, держась за распухшую щеку, подбежал старшина Рогожин.

- Вы... привезли новый мотор?! Капитан перевел на него тяжелый взгляд.

- Что это значит? - резко спросил он.

Старшина сник.

- Василь Николаич... когда вы уехали, пришел командир эскадрильи Зотов. Мы уже начали снимать винт. Он... отменил ваше приказание. Сказал, что новых моторов нет. - Рогожин с отчаянием взглянул на капитана. - Если бы я мог знать?..

- Та-ак...

- Это моя вина, командир, - сказал старшина. - Я не смог объяснить капитану Зотову... Добрую пожевал губами.

- Я вас не виню.

Он прошел к курилке и тяжело опустился на скамейку. А, черт, как же он забыл предупредить комэска? Конечно, тот знает, что на складе моторов нет и взять их неоткуда.

Капитан вдруг почувствовал себя дряхлым, смертельно уставшим стариком. Заныли старые раны от пуль и осколков.

Он взглянул на сторбившегося рядом старшину, левая щека которого походила на подушку.

- Ну что, старшина? - тихо спросил он. - Что? Совсем зуб замучил? Я вот тоже что-то расклеился...

- Стариками становимся, Василь Николаич...

- Да, пожалуй... Вам сколько, старшина?

- Сорок девятый стукнул, Василь Николаич, - вздохнул тот. - И все возле самолетов... Из-за них и жениться не успел.

- М-да... Я вот тоже... Я, правда, женился, да... Ну, ладно.

Ветер утих. Яркое светило солнце, и было тепло. В воздухе над аэродромом плыла на юг паутина.

- Что делать-то будем, Василь Николаич? - спросил старшина.

- С мотором-то?

- Не стоит об этом, старшина. Посидите. Отдохните. Вам за эту неделю и без того досталось...

- Василь Николаич... я подумал... если вам часа на три-четыре, то мотор еще выдержит. Мы там кое-что перебрали, заменили... Капитан покачал головой.

- Мне ведь на Кенигсберг, старшина. Тут в четыре не уложишься. Рогожин выпрямился.

- На Кенигсберг?! Добруш кивнул.

- Что же вы мне раньше не сказали, Василь Николаич - вскричал старшина. Да ведь я... я никакому бы приказу... О Господи... да если бы я знал... Капитан махнул рукой.

- Что уж сейчас об этом... Сидите. У меня еще будет время все это обдумать.

- Когда вам вылетать?

- В восемь.

- В восемь... Всего восемь часов...- Рогожин о чем-то задумался. Потом вскочил на ноги. - Василь Николаич, есть! Мотор у вас будет! Мы успеем. Капитан отмахнулся.

- Да ну, что вы такое говорите. Сидите. Ничего вы не успеете.

- Успеем, Василь Николаич! - возразил старшина. - Можете не сомневаться. Занимайтесь спокойно своими делами. В лепешку разобьемся, а мотор у вас будет!

Добруш поглядел на старшину и тоже поднялся. Выбив пепел из трубки, он сунул ее в карман.

- А пожалуй... вы правы. Ну что ж, старшина. Ладно. Действуйте. Только учтите, что мне еще потребуется время на облет машины.

Он повернулся и стремительно зашагал по стоянке, Он снова верил в то, что хорошо сделает свое дело...

9

Все вокруг замерзло. Здесь, на высоте восьми тысяч метров, термометр показывал минус тридцать пять. И близкие звезды, и чернота неба, и машина, и люди в ней - все застыло в неподвижности. Даже гул моторов, кажется, только потому не отстает от них, что примерз к обшивке самолета.

- Штурман, как курс? - спрашивает Добруш.

- Курс хорош, командир.

- Стрелок, у вас все в порядке?

- Все в порядке, командир.

- Не забывайте о кислороде. Какое у вас давление? На высоте восьми тысяч метров, где атмосферное давление составляет меньше половины нормального, пилоту нужно постоянно следить за самочувствием своего экипажа. Малейшая неполадка с подачей кислорода - и наступает обморок, а через несколько минут смерть, Человек даже почувствовать ничего не успеет,

- Сто двадцать, командир.

- Как? Вы успели съесть тридцать атмосфер?! Стрелок, вы что - костры им разжигаете?

Надо же! Кислород им особенно потребуется на обратном пути, потому что возвращаться предстоит на восьми с половиной - девяти тысячах метров. Им нужно экономить горючее, а именно на этих высотах у них будет сильный попутный ветер. Но если

кислорода на обратный путь не хватит...

- Нет, командир, я им дышу, - с обидой возражает стрелок.

- Так дышите поэкономнее! Немедленно уменьшите расход кислорода!

В наушниках слышится сопение стрелка и потом его голос:

- Уменьшил, командир.

- Ладно. Штурман, у вас какое давление в баллоне?

- Сто двадцать пять.

- Ладно.

Хоть один умный человек нашелся. Добруш понимает, что несправедлив. Расход кислорода у стрелка нормальный. Но это уже сказывается Кенигсберг. Города не видно, но пилот всем своим телом чувствует его приближение, чувствует затаившуюся в нем опасность. И он нервничает.

- Эй, стрелок!..

- Я слушаю, командир,

- Не злитесь.

- Не буду, командир. - Стрелок веселеет. - Долго нам еще? Я совсем оочеченел...

- Штурман, как цель?

- Девять минут тридцать секунд.

- Стрелок, вы слышали? До Кенигсберга - девять минут тридцать секунд.

- Понял, командир. И они смолкают.

10

...Добрушу необходимо было поговорить со штурманом Назаровым.

В землянке, служившей одновременно и клубом, и столовой, и библиотекой, было почти пусто. За столиком у окна двое летчиков играли в шахматы. Трос других, среди которых находился и майор Козлов, перекидывались в карты.

Назаров сидел на табуретке у стеллажа и читал книгу. На нем были безукоризненно выглаженные брюки, ослепительно сверкающие ботинки и новенькая кожаная куртка. Выбритое до синевы лицо его казалось аскетически сухим и строгим.

- Мне надо поговорить с вами, штурман, - сказал Добруш, подойдя. Назаров поднял голову и взглянул на него.

- К вашим услугам.

- Но, пожалуй, не здесь, - сказал Добруш, оглянувшись.

Штурман положил книгу на полку и поднялся. За столиком, где сидел майор Козлов, установилась тишина. Летчики с любопытством поглядывали на Добруша с Назаровым.

Добруш уже было прошел мимо и взялся за ручку двери, как вдруг сзади услышал шепот:

- Да какой из него летчик! Карьерист и бабник, недаром из истребителей выгнали...

Добруш опустил руку и повернулся. Шепот оборвался. Шрам на лице капитана начал медленно чернеть. Он шагнул к столу.

- Вы хотели мне что-то сказать, Козлов? - спросил он майора... Тот приподнял брови с деланным удивлением.

- Я? Ну что ты, дорогуша, здесь о тебе...

- Встать, - тихо сказал капитан. Козлов уставился на него с изумлением.

- Что-о?! Да как ты смеешь так разговаривать со стар... Капитан положил руку на кобуру пистолета. Майор осекся.

- Встать! - повторил Добруш. Не спуская глаз с руки капитана, майор начал медленно подниматься.

- Имей в виду, - проговорил он, бледнея, - это тебе...

- Смир-рна! Козлов вздрогнул.

- А теперь повторите вслух то, что вы шептали. Я предпочитаю, чтобы такие слова мне говорили в лицо, а не в спину.

- Я ничего не... Капитан ждал, глядя на него в упор тяжелым взглядом,

За соседним столиком перестали играть в шахматы.

Лейтенант, сидевший рядом с майором, заинтересовался картами, которые держал в руках. Второй летчик откинулся на спинку стула и с любопытством поглядывал то на капитана, то на майора.

... не говорил, - выдавил майор. Добруш презрительно скривил губы.

- Оказывается, вы не только мерзавец, Козлов. Вы еще и трус. Майор судорожно дернулся.

- Садитесь!

Добруш резко повернулся и пошел к двери. Штурман, со скучающим видом разглядывавший в продолжение этого разговора спичечную коробку, шагнул за ним.

- Не стоило вам связываться, - заметил ой, когда они вышли.

- Так уж получилось, - хмуρο сказал капитан.

- Просто он боится, что вас назначат командиром третьей эскадрильи вместо него.

- Теперь он побежит жаловаться к полковнику, к... Ну, да ничего. Я ведь видел, что вы всего лишь поправляли кобуру.

- Спасибо.

Когда они спустились в землянку пилота и штурман устроился у стола, Добруш подвинул к нему планшет.

- Как вам нравится эта линия? - спросил он. Назаров посмотрел на карту.

- Кенигсберг? Добруш кивнул.
- Когда?
- Сегодня. Ночью. Штурман почесал пальцем подбородок,
- Кто у вас сейчас штурман?
- Коблов.
- С Кобловым лететь нельзя.

Добруш сунул в зубы трубку и затянулся дымом. Назаров задумчиво посмотрел на карту.

- Он не может ориентироваться, - сказал он. - Но суть не в этом. До Кенигсберга вы его довезете, но ведь он висит над целью не меньше пяти минут. Я видел его в деле. Он подумал.

- Если бы с вами полетел я, мы вернулись бы.

Добруш кивнул.

- Я знаю, что вы хороший штурман. Назаров поднялся,

- Я готов.

11

- Командир, прошли Мемельскую косу, - говорит штурман. - Разворот влево. Курс девяносто три.

- Понял. Девяносто три.

Машина круто кренится. Впереди показываются редкие огоньки. Пилот выравнивает машину.

- Взял девяносто три.

Он склоняет голову и смотрит вниз. Потом снова выпрямляется и застывает. Внизу - серая пелена.

- Командир, до Цели - пять минут.

- Понял. Стрелок, вы слышали? Осталось пять минут.

- Слышу, командир.

- Как у вас дела?

- Нормально, командир.

Впереди - луна. Луна-это совсем плохо, потому что им сейчас нужна хотя бы слабенькая облачность. Хоть самая маленькая...

Небо совершенно чистое. До звезд можно дотянуться рукой.

- Ладно. Следите за воздухом.

...В штабе капитану Добрушу сообщили время и место встречи с группой, идущей на Кенигсберг.

Самолет взлетел с аэродрома и пришел в назначенную точку секунда в секунду. Но группы в воздухе не оказалось. Пилот сделал круг в надежде, что вылет несколько задержался. Самолетов по-прежнему не было.

- Стрелок, передайте на командный пункт: "Встреча не состоялась. Прошу указаний". Пилот сделал еще круг. Потом еще. Только через восемь минут была получена ответная радиограмма. Она состояла из двух слов: "Выполняйте задание".

Пилот развернул машину на курс. Что могло помешать

группе прийти к месту встречи?

Неожиданный налет вражеской авиации? Или еще что-нибудь?

Ни пилот, ни штурман, ни стрелок этого не знали. Эта они выяснят только после возвращения. Если смогут вернуться.

Как бы там ни было, они остались в воздухе одни. И теперь могли рассчитывать только на себя.

12

Штурман щелкает движком навигационной линейки и сует ее за отворот унта. Потом сбрасывает с колен планшет с прикрепленным к нему ветрочетом. Больше они ему не нужны. Четкими, точно рассчитанными движениями он устанавливает на прицеле угол сноса, уточняет высоту бомбометания и путевую скорость.

Он окидывает свое хозяйство внимательным взглядом, убеждаясь, что сделал все необходимое точно и пунктуально. Когда-то, в те далекие времена, когда еще не было войны, курсанты, которых он обучал, за глаза называли его педантом. Он знал об этом. И делал все возможное, чтобы и они стали педантами.

Потому что в авиации долго живут лишь педанты. Те, которые полагаются не на удачу, случай или везенье, а только на уверенность, что ничего не забыли, все рассчитали и сделали как следует. Сделали так, как делает хорошо отлаженная машина. Теперь он смотрит на приближающийся город.

- Командир, подходим к цели. Как будем производить бомбометание - серией или залпом? Я рекомендовал бы залп.

- Вы уверены, что попадете, штурман?

- Да.

- Хорошо. Залп.

Штурман переводит тумблер на сбрасывателе бомб на залп и застывает. Его аскетическое лицо, обтянутое шлемофоном, становится еще суше и строже. Он включился в цепь, и теперь он - часть машины. Часть, которая должна сработать так же точно, четко, быстро, как замки держателей или створки бомболюков. Он сдвигает пальцы на щитке.

- Командир, открываю люки.

- Понял. Снизу доносится глухой удар - раскрываются створки.

Все вокруг спокойно, тихо, мирно. Мерцают звезды. Гул моторов - ровный, басовитый, домашний. Ну стоит ли тем, внизу, стоящим у зенитных и пулеметных стволов, обращать внимание на далекий и безобидный гул шмеля?

Штурман знает: внизу, в нескольких сотнях, а может, и

десятках метров от самолета висят аэростаты заграждения. Малейший просчет, и самолет врежется в черную громадину.

Он знает: внизу наготове сотни прожекторных установок, которые в любую секунду могут ударить по машине слепящим молочно-белым светом.

А вслед за светом вспорют небо сверкающие лезвия сотен и тысяч комет. Комет с железными ядрами, которые взрываются по курсу и испаряют обшивку самолета, словно бумагу.

Но это еще ничего. А вот когда такая комета угодит в бомбовый отсек...

Об истребителях и говорить не приходится. "Нас не обнаружат, - думает штурман. - Им не до нас". "Ты должен попасть в цель во что бы то ни стало. Ты должен найти цель и уничтожить ее, - обращается к себе штурман. - Все остальное для тебя не существует".

"Скверно, что я не знаю, на какой высоте у них аэростаты заграждения, думает пилот, напряженно всматриваясь в небо. - Сколько я могу терять на выходе из огня? Хорошо бы у меня была в запасе хоть тысяча метров. Тысяча метров - вот что мне нужно. Но раз я этого не знаю, придется вертеться на двухстах. Двести-то у меня наверняка есть".

"Как там штурман? Точно ли выведет на цель?" "Я хотел бы иметь на борту груза не девятьсот килограммов, а девятьсот тонн. Я хотел бы превратить этот город в то, во что они превратили Минск. Во что они превратили Смоленск. И сотни других городов..."

"Глупости, - обрывает он себя. - Город здесь ни при чем. Тебе приказано сбросить бомбы на военный объект, это ты и сделаешь. Вот и все". "Как там штурман?" "Сколько высоты у меня в запасе?..."

"Они примут нас за своих, - думает стрелок. - Они поверят, что это мы. Мы так высоко, что..."

Штурман склоняется над бомбоприцелом. В его поле медленно вползают темные пятна домов, квадраты заводских корпусов. Штурману нужен один-единственный квадрат, который он узнает из тысячи. Он изучил его по схемам и снимкам до последней черточки.

- Стрелок, следите за воздухом. - Голос пилота звучит жестко, как приговор. - Стреляйте по любому подозрительному объекту, чем бы он ни был. Штурман слышит ответ стрелка:

- Есть, командир. Готов, командир.

- Штурман...

Пилот не успевает закончить фразу. Хозяином самолета, хозяином, превращающим грозную машину на несколько секунд,

а иногда и минут в беззащитную мишень, становится штурман:

- Командир, цель вижу!.

- Понял.

- Командир, влево три. Курс девяносто.

- Есть. Взял девяносто.

- Еще градус влево...

Пилот действует так, будто штурман дергает его за невидимые ниточки, привязанные к рукам и ногам. Сейчас он только марионетка в руках штурмана. Он напрягается до предела, чтобы безукоризненно выполнить его требования.

- Взял.

- Боевой!

И пилот видит, как исчезает небо. Гаснут звезды. Проваливается земля.

Будто команда штурмана нарушила равновесие. Десятки белых столбов ударяют в небо, мечутся вокруг, сталкиваясь друг с другом, разбегаясь в стороны. Прожекторные лучи.

Они впереди, по сторонам, сзади. Они вот-вот заденут самолет, и тогда на машину обрушится железный смерч, Бежать от них! Спрятаться!

Но пилот словно закаменел. Он держит курс "89". Он будет держать его до тех пор, пока штурман не даст команду изменить или пока взрыв зенитного снаряда не бросит их вниз.

Штурман не видит прожекторных лучей, но по бликам в прицеле понимает, что произошло.

Он еще плотнее прижимается к окуляру прицела.

- Командир, еще чуть влево...

И пилот доворачивает машину прямо на огненный столб, вставший перед носом самолета. По его телу течет холодный липкий пот.

Столб падает влево. Пилот смачивает кончиком языка губы. Он бросает взгляд на хронометр. Ему казалось, что они висят на боевом курсе не меньше пяти минут. Хронометр говорит: десять секунд. Слишком много лучей!

Кто-то размахивает ими, как палками. Большими белыми палками. Они налетают друг на друга и с треском отскакивают в стороны... С треском...

Это справа вспухают два ослепительных шара. Это уже рвутся зенитные снаряды. А вот еще - впереди, чуть левее, целая гирлянда, один за другим, оранжево-черные...

- Ух! - доносится голос стрелка.

- Сброс! - врывается в наушники голос штурмана. Самолет подпрыгивает, освободившись от груза. - Командир, противозенитный маневр!

Пилот сваливает самолет на левое крыло и ускользает от удара несущейся навстречу кометы. Успел!

Они неуязвимы. Теперь они не мишень. Теперь они могут защищаться! Они неуязвимы...

13

Штурман отрывается от прицела и бросает взгляд на секундомер. Он держал машину на боевом курсе восемнадцать секунд. Если пилот хоть немного следил за хронометром, он должен быть доволен.

Вокруг самолета - десятки прожекторных лучей. Штурман косится на них, от резкого света начинает нестерпимо чесаться в носу. Штурман закрывает глаза и оглушительно чихает.

- Будь здоров, - говорит он себе тихонько и прикладывает к губам платок. Потом чихает снова и еще раз желает ласково: - Будь здоров, дружок... Он не суеверен. Просто он уважает хороших людей. Он закрывает бомболюки, выключает освещение сетки прицела и берется за ручки пулемета. Мало вероятно, чтобы какой-нибудь немец сунулся в эту кашу, но все может быть. И штурман настороженно оглядывает небо.

Пилот бросает машину вправо. Он знает, где взорвется очередной снаряд. Знает так, будто немецкий наводчик только что шепнул ему об этом на ухо.

И снаряд взрывается. Не один, а целая гирлянда огненных клубков.

Но пилот уже ушел от них. Влево! Вправо! Влево! Вниз!

- Командир, продержитесь еще минуту. Это пенного... Немного! Да это целая вечности, штурман. Это...

- Ух ты-ы... - крик стрелка. - Вниз... внизу... оля- ля-ля!

Но пилот со штурманом уже и сами увидели. Внизу - море огня. Оно как-то лениво, словно в раздумье, приподнялось над землей и потом плеснуло в стороны с такой стремительностью, что, казалось, залило всю землю до горизонта.

Прожекторные столбы, до того метавшиеся по небу, на мгновение застывают, словно парализованные. Потом начинают качаться с еще большей яростью и настойчивостью.

Во что же это угодил штурман, что разъярил такую стихию? Неужели в бензохранилище? Или в склад боеприпасов?

Пилот уходит от прожекторных лучей. Нет, он не позволит угробить такой экипаж...

- Штурман...

Могут они еще терять высоту или нет? Не врежутся в аэростаты?

Но он задыхается, от одного слова. Он бросает машину вправо. И снова ускользает от лучей.

- Стрелок!
- Командир?
- Что...

Ему нужно знать, какая обстановка сзади. Но он не успевает спросить. Он падает на штурвал. Даже сквозь закрытые веки свет режет глаза так, что, кажется, проникает до самой последней клеточки мозга. В этом свете нечем дышать...

- О-ох! - доносится стон.

Пилот сваливает машину влево и полностью отдает штурвал.

- Командир!

Они выпадают в темноту.

- Вот это...

Еще один луч. Огненные вспышки и - трах - Тах - Тах -Тах...- барабанная дробь, по обшивке машины.

- Вправо, командир!

Он ничего не видит, но давит на педаль и выворачивает штурвал. Они снова вываливаются из слепящего молока в темноту.

- Влево!..

Пилот бросает машину влево. Вернее, их отбрасывает. Справа, почти под крылом, взрывается снаряд.

- Ну и свистопляска, - ворчит Назаров. - Еще несколько секунд продержитесь, командир,

- Живы, штурман?

- Чего мне сделается...

- Стрелок, вы живы?

- Жив... Живу... Ух! А-а, сволочь! ДУ-ДУ-ДУ-ДУ... Это работает пулемет стрелка,

- На, гад, на, на!.. Удар справа.

- Стрелок, что...

Удар слева. Лево́й но́ги, право́й, лево́й, право́й... Они в огненном кольце. В кольце из огня и металла. И что-то случилось у стрелка. Могут они терять высоту или нет?

- Штурман, как... Удар. Совсем рядом.

- Командир, можете терять еще тысячу мет... Удар. Машина прыгает вверх, словно скаковая лошадь,

- ... выходим.., Удар.

- ... заграждения!

Вспышка шаровой молнии прямо по курсу и треск пробиваемой обшивки. И еще один огненный клубок. Удар.

Самолет бросает то вниз, то вверх, то в стороны. Пилот с трудом удерживает его, чтобы не сорваться в штопор. Грохот.

- Сво-олочи!.. - орет стрелок.

Штурмана болтает в кабине, бьет о борта, но его руки прочно держат пулемет, а глаза ощупывают каждую пядь неба. Он уже понял, что означает стук пулеметов стрелка. И он готов к этому.

Скоро штурман увидит... Вот он!

Слева появляется черный силуэт самолета. Хобот штурманского пулемета мгновенно поворачивается в его сторону. Взгляд штурмана проходит сквозь прицел и впивается в борт чужого самолета. В этом взгляде - приговор.

Пулемет с ревом выбрасывает длинный белый гарпун, и самолет исчезает. Он будто под лед проваливается.

- Командир, как у вас дела? - спрашивает штурман.

- Ни...чего...

- Стрелок, вы держитесь?

- Держусь! Они держатся...

Штурман ведет стволом пулемета вправо и бьет по черному пятну. Он не знает - самолет это, аэростат заграждения или еще что. Что бы там ни было - он обязан это расстрелять.

Сзади тоже почти без перерыва стучит пулемет - стрельба гулом отдается по всему корпусу машины.

Нет, их не так просто отправить на тот свет! Он, штурман, не раскаивается, что пошел в этот полет. На людей, с которыми он работает, можно положиться. Они не дадут себя угробить за здорово живешь, они будут защищаться до конца.

...Пилот бросает машину из стороны в сторону. Он вырывается из огненного кольца, оно опять сжимается, но он снова уходит, снова отступает и наступает. Он слышит, как стучит пулемет штурманам Р-ры-ых!.. Р-р-р... Впереди проскальзывает тень. Р-ры-ых!

- Штурман...

- Командир?..

- Что там... Р-ры-ых!..

Удар.

Кажется, последний. Пилот чувствует, что они уже вырвались. Отстают разрывы, отстают прожекторные лучи.

- Ничего, командир, - тяжело дыша, говорит штурман. - Прорвемся... Ррых!

Ду-ду-ду-ду...- выстукивает пулемет стрелка. И вдруг над головой пилота раздается хлопок. Слабый, почти неслышный хлопок, как из детского пугача. Капитан выпускает из рук штурвал и хватается за глаза. Потом медленно сваливается на привязные ремни...

15

Штурман чихает еще раз - от наступившей темноты.

- Будь здоров, дружок... теперь уж недолго осталось, - говорит он себе.

Ну, вот и вырвались. Где-то там, сзади, мечутся по небу прожекторные лучи и рвутся снаряды - на остеклении кабины то и дело вспыхивают блики. Но это уже не страшно...

И в этот момент над головой раздается взрыв, освещающая все в кабине так, что становятся видны даже царапины на бомбоприцеле. Штурман прижимается к бронеспинке, потом стремительно оборачивается. Кажется, обошлось...

- Безобразия, - ворчит штурман и осекается. Машина начинает как-то странно, медленно, рывками заваливаться на крыло, переходя в пике. Что это означает? Но у штурмана нет времени подумать. Справа появляется силуэт самолета, отчетливо видимый на лунном небе. Штурман стремительно разворачивает пулемет. Р-рых!

Он ведет пулемет вверх, потому что кабина кренится все круче. Целиться трудно. Р-рых!..

Вражеский самолет выскальзывает из прицела и исчезает где-то в заднем секторе. Штурман, не выпуская пулемета из рук, зовет:

- Командир! Молчание.

- Командир, что случилось?!

Самолет уже падает. Но сзади, не умолкая, грохочет пулемет стрелка: ду-ду-ду-ду...

- Командир, вы слышите меня? Командир!.. Никакого ответа. Самолет с воем несется к земле.

- Командир! Самолет падает! Командир!.. Штурман приподнимается на сиденье, но его прижимает к бронеспинке. Что он может сделать, если в своем стеклянном колпаке отделен от пилотской кабины броневой плитой? Спереди, сверху, по сторонам - стекло. И штурман сидит сейчас на краешке пропасти, совершенно перед ней беззащитный.

У него нет управления - перебиты тросы, - и он не знает, что случилось с пилотом. - Командир! - зовет он. - Командир, мы падает!..

16

"Падаем... падаем... падаем..."

Пилот целую вечность слышит это слово, но не понимает, что оно означает.

Он напрягает всю свою волю, силясь понять, но тупой качающийся гул постоянно мешает ему, убаюкивает, успокаивает, заставляет отказаться от бесцельных попыток.

- Командир! Голос слабый и еле слышный. Это он - командир... Ну да - он...

"Не пробуждайся, не пробуждайся, не пробуждайся...- уговаривает гул. - Не пробуждайся, потому что пробуждение будет еще страшнее, чем беспмятство. Не пробуждайся..."

- Командир! Моторы пойдут вразнос! Командир!.. Пилот делает над собой страшнейшее усилие и при- поднимает голову. Его словно обухом бьет по затылку, и он снова падает лицом на штурвал.

- Командир!!!

Моторы уже не воют - верещат. Пилот приподнимает руки и

упирается в приборную доску. У него такое чувство, словно голову раздирают на части клещами. Он не знает, где он и что с ним. Но руки нащупывают штурвал. Руки знают, что только с помощью этого полукруга можно прекратить раскрутку винтов, остановить то страшное, что неминуемо должно последовать.

-... дир... левой ноги! Штурвал на себя! Пилот вяло тянет на себя штурвал, так же вяло давит ногой на педаль. Он пытается сбросить с себя кошмар беспамятства. Голова его все увеличивается, упирается в фонарь, вот она уже не уместается в кабине, давит на борта. А может, это кабина сжалась до таких размеров, что стиснула пилота со всех сторон...

- Еще больше штурвал на себя!левой ноги!..

Голос принадлежит человеку, который, несомненно, имеет право командовать. И пилот, судорожно сжимая пальцы, тянет, тянет на себя штурвал.

Но почему же так темно и больно? Что они с ним делают? Где он? И этот звук - визжащий, захлебывающийся звук, проникающий в самые дальние уголки мозга и наводящий ужас...

Пилот уже слышал когда-то подобный звук, вслед за которым начинаются еще более страшные - хруст ломающегося металла, лихорадочная дрожь машины и клубы дыма, бьющие по остеклению кабины... А потом удар, тишина и липкое бесконечное беспамятство...

Пилот пытается открыть глаза и глухо вскрикивает, Режущая боль снова швыряет его в небытие. Но беспамятство длится недолго. Страшнее боли, страшнее воя идущих вразнос моторов то, что он еще не успел осознать полностью, но к чему уже прикоснулся. И что надвигается на него неотвратимо, как судьба.

- Командир, что с вами?!.

Он смолкает. Он сидит неподвижно, пытаясь привести мысли в порядок и хоть чуточку отдохнуть от боли.

- Штурман... в каком положении машина? Он спрашивает медленно и спокойно. Каждое слово - это сгусток боли. Но пилот уже не боится боли. Сейчас он знает более страшное, чем боль, - черноту. Густую, непроницаемую черноту. Он глотает кровь.

- Падаем на правое крыло.

17

"Падаем! - жутью обдает стрелка. - Сбили!" И в ту же секунду он видит тень пикирующего на них самолета. Он видит вспышки выстрелов.

Стрелок разворачивает пулемет. Он с яростью всаживает в тело чужой машины длинную очередь. Он видит вспыхнувший на фюзеляже язычок пламени и бьет, бьет, бьет по нему, заставляя разгораться еще ярче. Пламя вытягивается, словно лента,

стремительно сматывающаяся с барабана, лижет хвостовое оперение. К земле устремляется огненная комета, на несколько секунд гасящая прожекторный свет.

- На гад, на, на, на! - бормочет стрелок сквозь зубы.

Машина, в которой он сидит, тоже несется к земле. Она опрокидывается на правое крыло. Целиться трудно. Но сержант все бьет по уже поверженному врагу, без сожаления расходуя боекомплект.

- Командир! Молчание.

- Штурман!

Ни звука.

- На, гад, на, на!

Стрелок не знает, кто их сбил. Но он видит перед собой врага, который так или иначе к этому причастен. У стрелка есть оружие. И он должен полностью рассчитаться за гибель самолета, за гибель командира, штурмана и свою собственную. Ему страшно, но еще более - обидно и горько, что он так мало успел сделать, и он вымещает свою обиду на несущемся к земле самолете, полосуюя из пулемета по его крыльям. Вся его ненависть сосредоточена на этих крыльях, которые он прошивает длинными очередями.

Бомбардировщик падает почти отвесно. Самолет дрожит, как в лихорадке, его кидает из стороны в сторону.

Стрелка отрывает от сиденья, он почти лежит на пулемете, упираясь головой в обзорный купол. Он весь выворачивается, стремясь не выпустить из прицела горящий самолет, и бьет, бьет, бьет...

Самолет противника выпадает из сектора обстрела. Стрелок бросает рукоятки пулемета, облизывает губы и оглядывается в бессильной ярости. У него еще остались патроны. Но они уже не нужны. Вокруг - пустое черное небо и падающий в нем бомбардировщик. Стрелок чувствует, как стремительно надвигается на них земля.

...Когда они после тщетного ожидания группы из соседнего полка подходили к линии фронта, стрелок, пытавшийся еще раз связаться с аэродромом, доложил:

- Командир, земля не отвечает.

- Стрелок, у вас включена рация? - резко спросил пилот.

- Да.

- Немедленно выключите ее!

- А как же связь?

- Выключите!

Стрелок щелкнул выключателем.

- Есть. Выключил.

- И теперь до конца полета забудьте о ней. Вы что же, хотите, чтобы нас засекли?..

Но сейчас - другое дело. Стрелок щелкает выключателем и берется за ключ.

"МОСКВА, КРЕМЛЬ, ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ. ДОКЛАДЫВАЕТ ЭКИПАЖ КОРАБЛЯ НОМЕР 33. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО. БОМБЫ СБРОШЕНЫ НА КЕНИГСБЕРГ".

Дрожащими руками он выключает рацию и вытирает пот. Затем оглядывается с недоумением и растерянностью. Что-то изменилось. Случилось что-то такое, чего он не ожидал. Он замирает.

Самолет больше не падает. Неуверенно рыская из стороны в сторону, он тем не менее все больше выравнивается и разворачивается на восток. Стрелок протирает глаза, моргает, протирает еще раз.

- Командир! Штурман! - кричит он. Никакого ответа.

- Товарищи капитаны! Отзовитесь! Молчание. И тогда стрелку становится страшно. Он израсходовал почти весь боекомплект! А справа, на юге, в полнеба поднялась ослепительно - яркая громадная луна. Она серебрит фюзеляж и плоскости самолета. Она превращает его в видимую всему миру мишень. Беззащитную мишень, только что прокричавшую на весь мир своей радиограммой, что она здесь, рядом с Кенигсбергом, что ее необходимо сбить.

"Я расстрелял боекомплект. Мне нечем больше воевать, Я угробил экипаж", с ужасом думает стрелок. Он стонет от злости и бессилия.

- Командир! Штурман!.. Да отзовитесь же вы! Командир!

18

- Командир, возьмите штурвал еще чуть на себя! - говорит штурман. - На себя!

Пилот тянет штурвал. Приподнимает правое крыло самолета.

- Так! - говорит штурман. - Теперь нормально. Командир, что с вами?

Пилот медленно облизывает губы. Потом выпускает штурвал из правой руки и трогает голову.

Шлемофон изорван осколками стекла и железа. Пальцы натыкаются на большой кусок стекла. Пилот рывком выдергивает его. В мозгу вспыхивает шаровая молния. Несколько секунд пилот сидит неподвижно, приходя в себя. Он чувствует, как под шлемофоном растекается кровь.

Он переносит руку на лоб. И здесь осколки. Десятки мелких стеклышек, застрявших в коже и черепе. Дотрагивается до век. И

сразу же отдергивает руку. Глаза...

Он знал это. Но боялся поверить. Он сжимает зубы и опускает руку на штурвал.

- Штурман...- говорит он, - штурман, вы не ранены?

- Нет! Командир, что с вами?

- Стрелок... вы... живы? Он задыхается, но не дает боли усыпить себя снова,

- Стрелок!

Никакого ответа. А может, он и был, только пилот не услышал. Потому что в голове у него работает паровой молот: бух-бух-бух...

- Командир, что с вами? - настойчиво спрашивает штурман. - Почему вы не отвечаете? Командир!

- Экипажу приготовиться оставить машину, - приказывает пилот.

Он совершенно спокоен. Он знает, что произошло и что нужно делать. Он отдает четкие, разумные распоряжения. Единственно возможные в их положении. И он знает, что успеет сделать все необходимое до того, как тело откажется ему повиноваться.

- Командир, что с вами? Вы ранены? Или попали в прожекторный луч?

- Послушайте, штурман...- медленно выговаривает слова пилот разбитыми губами. - Это не луч. Они вышибли мне глаза. Я... больше ничего не могу. Приготовьтесь...

- Нет! - с яростью кричит штурман. - Нет! Командир... нас не так просто угробить! Чуть накрените машину влево и дайте левой ноги... чуть-чуть... Так! Командир, держитесь! Мы выберемся!

Чернота снова надвигается на пилота, а стенки кабины сжимают голову.

- Штурман...- шепчет пилот, - штурман... попробуйте связаться со стрелком... Он слышит голос штурмана как сквозь вату:

- Стрелок! Сержант Кузнецов! Отвечает тот или нет? Нужно во что бы то ни стало связаться со стрелком. Обязательно. Сказать ему что-то важное, без чего он не может... не может... Ах, да. Вспомнил.

- Штурман, прикажите стрелку прыгать. И прыгайте сами. Вы слышите?

- Нет! - кричит штурман. - Командир, уберите левый крен!.. Так, хорошо! Достаточно! Командир, мы идем домой! Вы слышите? Мы взяли курс домой. Все будет хорошо! Держитесь, командир!

Этот неприятный, назойливый голос! Зачем? Он все

рассчитал правильно. Тело уже не слушается его. Он не чувствует рук, не знает, чем они заняты. Он рассчитал... Да, правильно, он должен сделать единственное, что еще может, спасти экипаж. Все остальное он сделал. Так зачем же этот голос?

- Командир, мы ушли от Кенигсберга! - бубнит и бубнит у него над ухом, не давая отдохнуть, не давая уйти от боли. - Вы слышите? Мы идем домой! Командир, продержитесь немного. Продержитесь до Белоруссии. До Белоруссии, вы слышите? Там мы что-нибудь придумаем... "Белоруссии... Белоруссии... Белоруссии..." Хотя бы все это быстрее кончилось! "Белоруссии..."

Что это такое? Что-то очень знакомое, но пилот не может вспомнить - что. "Беларусь..."

- Продержитесь, командир! Слышите? Нам нужно обязательно продержаться! Слышите, командир?

- Да... слышу. Штурман... в каком положении машина?

- Все в порядке, командир! Держитесь! - Голос штурмана становится отчетливее. - У вас в кабине справа аптечка. Вы слышите? Справа на борту аптечка! Возьмите бинт и перевяжитесь! Выпустите штурвал из правой руки и перевяжитесь! Пе-ре-вя-жи-тесь! Да-да. Надо перевязаться. Обязательно... Пилот выпускает штурвал из руки и тянется к борту. Он нащупывает бинт. Потом зубами разрывает его. В кабине воем воздушный поток. Это сквозь пробоину. Он леденит пилота. И он же заставляет его держаться.

Пилот ощупью, осторожно вытаскивает несколько осколков, застрявших в коже щек. Потом берет конец бинта в зубы и правой рукой начинает перевязывать голову. Пальцы слиплись от крови, кровь на куртке, весь бинт пропитан ею, как губка. Голова раскалывается. Но пилот должен долететь до Белоруссии...

- Штурман, осмотрите машину...

Когда майор Козлов узнал, что полковник отдал капитану Добрушу штурмана и стрелка из его экипажа, он пришел в бешенство.

- Авантюрист! - выкрикнул он. - Если бы Назарову с Кузнецовым приказали лететь с тобой... но ты воспользовался тем, что они не посмеют тебе отказать! Как ты смеешь брать на себя такую ответственность?!

- Я не боюсь никакой ответственности, Козлов, - устало ответил Добруш. - И отвяжитесь, наконец, от меня, вы мне надоели. Я приведу машину обратно.

"Я приведу машину обратно..."

- Самолет как будто в порядке, командир, - сообщает штурман. - Пробоин, наверно, много, но жизненные центры не затронуты. Моторы пока работают хорошо, течи масла не

заметно.

- Что... со стрелком?

Закончив перевязку, он откидывается на спинку сиденья.

- Я слышал стук его пулеметов всего несколько минут назад.

Значит, он жив. Но с ним нет связи.

- Попробуйте... пневмопочту.

- Не работает.

- Штурман... выводите машину на курс...

- Машина на курсе, командир. Мы идем домой.

- А... хорошо.

- Продержитесь до Белоруссии, командир.

- Как высота?

- Две тысячи. Мы долго падали.

- Мы идем с набором или снижаемся?

- Идем нормально, командир.

- Штурман... командуйте... набор... Нам нельзя...

Снова чернота протягивает к нему свои шупальцы и пытается выбросить из жизни.

- Набор! - кричит пилот. - Набор, штурман!.. Он не помнит, почему им нельзя идти на малой высоте, но твердо знает, что нельзя.

- Не так резко, командир! - поспешно говорит штурман. - Чуть отдайте штурвал от себя... Так, хорошо! Как вы себя чувствуете?

- Ничего... ничего... штурман...- бормочет пилот. - Ничего...

- Командир, вы перевязались?

- Да!

- Пока отдохните. Потом перевяжетесь лучше. У вас там осталось еще два бинта...

- Штурман, если я потеряю сознание... Нет. Об этом не следует говорить. Если он потеряет сознание, штурман сам узнает об этом. Но он не имеет права терять сознание. Он отвечает за экипаж. Он отвечает...

- Штурман, что со стрелком?

- Пока не знаю, командир.

- Попробуйте узнать.

- Я пробую, командир...- Он на мгновение смолкает, потом спрашивает: - У вас кислород в порядке? Шланги целы? Проверьте...

"Ах, какой ты заботливый, штурман... Ладно, спасибо ".

- Проверил. Нормально. У вас?

- В порядке.

- Пока не связжетесь со стрелком... штурман... пока не свяжетесь...- Он снова вырывается из черного плена и продолжает: - Больше пяти тысяч не набирать...

- Да, командир. Понял, командир. Вы не забыли переключить баки?

Это он забыл. Пилот тянется к переключателю. Потом обессиленно откидывает голову на спинку сиденья...

19

Первой мыслью штурмана, после того как он узнал, что пилот потерял зрение, было дотянуть до Белоруссии. Конечно, оставлять самолет над оккупированной территорией - перспектива не из приятных. Но там была бы хоть какая-то надежда скрыться, связаться с партизанами или пробиться на восток. Теперь этот вариант отпадает.

Пилот не выбросится с парашютом, потому что не захочет оставить в машине стрелка. А он, штурман, один прыгать тоже не станет. Вот и все.

Рассчитать наивыгоднейший режим полета и постараться не дать пилоту потерять сознание - вот все, что еще может сделать штурман. Но если даже пилот сможет продержаться до конца полета - это ничего не меняет. Они обречены. Слепому пилоту не посадить машину. Это и штурман отлично понимает. Даже для здорового человека посадка - самое сложное.

Можешь рассчитывать скорость, высоту, маршрут, экономить горючее, искать попутный ветер, обходить вражеские ловушки, отбиваться от истребителей - все равно приговор вынесен.

Думать об этом не следует. Пока работают моторы, пока пилот не потерял сознание и пока в руках штурмана карта и навигационная линейка, им остается одно - лететь. И пытаться связаться со стрелком.

Штурман испробовал уже все средства - связи со стрелком нет. Возможно, он погиб. Может, ранен и потерял сознание. Может, выбросился с парашютом. Все может быть...

"Ну что ж, - думает штурман. - Я сделаю все, что от меня зависит. И если это даже ни к чему не приведет, я, по крайней мере, буду знать, что держался до последнего".

Так он разрешил для себя задачу. Не лучшим образом, он это понимал, но что еще сделаешь в его положении?

Звезды становятся ближе и крупнее. Они уже не мерцают, их свет ровен и колюч. Справа, на юге, сияет огромная луна. Луна-помощница и луна-предательница. С ее помощью штурман видит горизонт и может контролировать положение машины. Но она же превращает самолет в отчетливо видимую мишень. Стрелка высотомера подползает к цифре "5".

- Командир, дайте штурвал чуть от себя, - говорит штурман. - Еще чуть-чуть... стоп! Хорошо, командир. Мы набрали пять тысяч.

- Понял.

Штурман слышит хриплое дыхание пилота. Он представляет, насколько трудно капитану Добрушу вести машину. Здоровый пилот может передохнуть, полегоньку работая штурвалом и педалями и тем самым расслабляя мышцы. Сейчас же он, не имея ни малейшего представления о положении машины в воздухе, вынужден каменно держать то положение штурвала и педалей, в котором застала их команда штурмана. Это в миллион раз тяжелее, чем при полете по приборам. Там есть хоть какие-то ориентиры - стрелки приборов, огоньки лампочек... Сейчас - ничего. Чернота. И боль.

- Командир, прибавьте чуть газу. Еще... Стоп, хорошо!
- Какая скорость? Пилот дышит со свистом.
- Двести восемьдесят по прибору. Путевая триста тридцать.
- Хватит нам горючего?

Хотел бы штурман сам знать это! Если ветер не изменится - должно хватить. Но если он ослабнет или изменит направление... К тому же неизвестно, не пробиты ли баки и выдержат ли они... Но он говорит:

- Да, командир. Хватит.
- Ну... ладно.

Они идут на восток - вот все, что пока знает штурман, Пока они были на боевом курсе, ускользали от прожекторов и зениток, падали, а потом приходили в себя, штурман потерял ориентировку. Теперь ее надо восстанавливать, Каждая минута промедления - перерасход горючего, кислорода, масла...

- Командир, вы сможете поддержать режим? - спрашивает штурман.

- Попробую. Штурман берет в руки секстант.

Какую звезду визировать? Ладно, Арктур. Сегодня он хорошо виден, а расчеты по нему менее сложные, чем по планетам. Штурман крепче упирается ногами в пол кабины.

- Дайте крен влево... Стоп! Теперь немножко правой ноги... Достаточно! Режим, командир!

Штурман ловит звезду видоискателем и пускает секундомер. Арктур чуть подрагивает в крошечном пузырьке в центре поля.

Многие штурманы с большим недоверием относятся к расчетам по звездам. Назаров знал таких, которые утверждали, что восстанавливать ориентировку по звездам - все равно что гадать на кофейной гуще. Отчасти страх перед звездами у них был связан с тем, что расчеты по ним действительно сложны, но главное при этом способе недопустима даже малейшая небрежность, иначе можно получить ошибку в сотни километров.

Назаров доверял звездам. В свое время он потратил не один месяц, чтобы в совершенстве овладеть этим искусством, и теперь

легко управлялся с секстантом и астрономическими таблицами. Поэтому он терпеть не мог, когда при нем пренебрежительно отзывались о "звездочетах".

Пилот ведет машину так, как не вол ее ни один летчик, с которым штурману приходилось летать раньше. Штурман стискивает зубы. Ах, сволочи, что они с ним сделали...

- Промер окончен, командир. Спасибо. Штурман записывает результаты визирования в бортжурнал.

- Как вы себя чувствуете, командир?

- Ничего...

По его голосу штурман понимает, насколько пилоту плохо. Каких усилий стоит ему не сорваться, не потерять голову, управляться со штурвалом, педалями, тумблерами, переключателями... Если бы он мог хоть чем-то помочь пилоту! Если бы они находились в одной кабине или хотя бы имели доступ друг к другу...

Штурман засовывает секстант в чехол и берется за таблицы. Потом прокладывает на карте линию.

- Командир, доверните вправо двенадцать...

- Понял, двенадцать. Следите. Самолет кренится, разворачиваясь на нужный курс.

- Стоп! - говорит штурман. - Так держать, командир.

- Понял.

- Командир, подходим к Сувалкам. Скоро будем над Белоруссией.

Все эти сведения пилоту не нужны, штурман прекрасно понимает. Но он понимает и то, что любыми средствами должен держать Добруша в напряжении. Должен что-то говорить, чтобы тот сосредоточил внимание на полете, а не на боли и слепоте. Если он перестанет напрягать спую волю, свои силы, сознание может незаметно покинуть его, и тогда все расчеты ни к чему...

Поставив точку на карте, штурман прокладывает прямую линию до Минска. Это кратчайший путь. Потом он еще раз уточнит место самолета и проложит такую же линию до аэродрома.

- Доверните чуть вправо, командир... Еще... Хорошо! Маленький крен на левое крыло... Стоп! Держите так, командир.

- Постараюсь. Штурман.

- Да?

- Вы все еще не связались со стрелком?

- Нет, командир. Пока не связался.

- Постарайтесь что-нибудь придумать. И говорите о чем-нибудь. О чем угодно.

Пилот дышит часто и хрипло, слова звучат невнятно. "Дело

плохо", - думает штурман. Если пилот просит его говорить, значит, дело из рук вон плохо. Значит, он сам чувствует, что в любой момент может потерять сознание.

- Командир, вам нужно еще перевязаться, - говорит штурман.

- Вы слышите меня? Возьмите бинт из аптечки и перевяжитесь.

- Да. Понял.

20

"Бинт... да, нужно взять бинт, - вяло думает пилот. - Нужно..."

Штурвал жжет руки. Спина одеревенела, а руки и ноги пилот ощущает как часть тела лишь по временам. Мысли путаются.

Пилот немного сдвигает на штурвале правую руку и потом сжимает его еще крепче. Он забыл, что должен был сделать. И эта гнетущая чернота...

"Пилоты, безответственно забывая выключать в полете колеса, допускают перерасход горючего..." Откуда это? Что за чушь? "Пилоты, забывая..."

Губы пилота растягиваются в непроизвольной ухмылке. Он вздрагивает. Холодная волна ужаса прокатывается по телу: "Схожу с ума!" "Пилоты, забывая..."

- Прекратить! - орет он. - Прекратить!

- Командир! Что с вами?! Командир! Пилот приходит в себя. Он пытался сбросить привязные ремни и вскочить на ноги. Тяжело дыша, он сползает по спинке сиденья, медленно расслабляет сведенные судорогой мышцы.

- Командир! - зовет штурман.

- Смесь, - бормочет пилот. Потом говорит более твердо: - Слишком богатая смесь... Надо отрегулировать.

Штурман облегченно вздыхает:

- Простите, командир. Я забыл вас предупредить...

- Ничего...

Пилот забыл отрегулировать подачу воздуха от нагнетателей в смесительные камеры моторов. Это надо было сделать сразу, как только они набрали высоту. Это поможет сэкономить горючее.

Пилот подается вперед и медленно, осторожно регулирует подачу воздуха. Потом переносит руку на штурвал.

- Командир!

- Я слушаю, штурман.

- Вы взяли бинт? Вы перевязались? Ах да. Надо перевязаться.

- Сейчас, - бормочет пилот. - Сейчас... Он поднимает руку и начинает ощупывать борт кабины. аптечка... Вот она. Зачем она ему нужна?

- Вы нашли бинт? - спрашивает штурман. Да, правильно. Бинт. Отчего у него все лицо мокрое и липкое? И шея... Что-то ужасно давит...

- Возьмите конец бинта в зубы! Сильно мешает кислородная маска. Как же он возьмет бинт? Ах, да, надо ее сбросить. Сейчас...

- Командир, просуньте конец бинта под маску! - приказывает штурман. - Вы помните, на какой мы высоте? Пять тысяч! Здесь недостаточно кислорода! Будьте осторожны с маской! Когда же это все кончится!..

Он просовывает бинт под маску и сжимает зубами конец. Потом медленно наматывает его вокруг головы.

Мешает шлемофон. Мешает маска. Пальцы не слушаются.

Боль наваливается многотонной глыбой. От нее невозможно скрыться. От нее нет спасения. И когда пилот заканчивает перевязку, он чувствует себя обессиленным и опустошенным.

- Командир, вы перевязались?

- Да.

- Дайте чуть штурвал от себя.

- Ладно.

Он пытается шевельнуть руками, но не чувствует их. Выполнил он команду штурмана или нет? В каком положении машина?

- Командир, вы слышите меня? Дайте чуть штурвал от себя!

- Разве я не дал?

- Нет!

- Даю.

Безнадежно. Он не чувствует рук.

- Вот теперь хорошо, - говорит штурман. Значит, он все-таки дал штурвал...

21

Гул моторов сливается с воем воздушного потока в кабине. Во рту сладковатый, приторный вкус крови. Удары сердца кажутся оглушительными, оно готово выскочить из груди. Мир стал ограниченным, он весь из боли и черноты. Машина, которая всегда давала ощущение необъятности пространства, сейчас сжала его до размеров детской игрушки. Мир - это ручки штурвала. Только они одни и существуют. А может, даже их нет, потому что все чаще наступают провалы, когда пилот не ощущает их ребристой поверхности.

С первого дня войны в каждом вылете рядом с пилотом шла смерть. Но он не думал об этом. Когда управляешь такой совершенной и сложной машиной, как самолет, невольно появляется иллюзия, что ты все можешь, что только от тебя, от твоего умения, твоей воли зависит победа и жизнь. Чуткая, быстроходная и грозная машина послушно выполняет малейшее желание пилота, стремительно ввинчивается в небо или кометой несется к земле, Да разве можно, управляя таким чудом,

поверить, что тебя собьют? Пока тебя обнаружат, пока прицелятся, пока дадут залп, ты уже обнаружил противника, прицелился, обрушил ему на голову бомбовый груз, прошил ливнем пуль и снарядов и растаял в небе. Кроме того, за эти полчаса - час ты проделал столько эволюций, выполнил такой объем физической, умственной и нервной работы, с которым простой смертный в обычных условиях управился бы разве что за неделю. И у тебя не было возможности не только подумать о том, что тебя могут покалечить или убить, но даже соотнести все происходящее с собой.

Великолепная машина - боевой самолет! Даже если бы конструкторы специально поставили перед собой задачу создать нечто, превращающее человека в героя, они не смогли бы выдумать ничего лучшего. Военный самолет начинен таким количеством приборов, агрегатов, систем управления, что на мысли о чем-нибудь другом, кроме них, у летчика не остается ни одной свободной секунды. Каждое мгновение он должен держать в центре внимания минимум десятков приборов, решать по крайней мере шесть-семь задач и делать десятков движений. Это - в спокойном полете. Во время боя интенсивность работы возрастает раз в пятнадцать...

Зато когда пилот оказывается вдали от опасности, на земле, и вспоминает, что ему пришлось пережить в воздухе, он порой с ужасом думает о том, что через несколько часов все это предстоит повторить сначала. Так было с капитаном Добрушем. И все же, если бы он во всем этом не участвовал, он чувствовал бы себя самым несчастным человеком на земле. Он не находил себе места, когда его отстранили от полетов и решался вопрос о его летной пригодности. Когда он добился перевода в бомбардировочный полк, он был счастлив, потому что не мог оставаться в стороне, в то время как враг топтал его землю.

Он понимал всю опасность полета на Кенигсберг, но, после того как было решено, что этот вылет сделает именно он, Добруш был бы убит, если бы задание вдруг отменили. И не потому, что в случае успеха его ожидали почести, вовсе нет. Награды - а он был награжден двумя орденами - капитан Добруш принимал со сложным чувством радости и стыда. Радости за то, что в меру своих сил помог громить врага, и стыда, что это была как бы оплата того, за что платить никак не полагается. Это все равно что взять плату с человека, которого только что полумертвым вытащил из воды.

Успешный полет на Кенигсберг - это уверенность в разгроме врага, это предвестник победы. Вот что означал этот полет для капитана Добруша.

Стремление во что бы то ни стало выполнить задание настолько овладело пилотом, настолько подавило все остальные чувства, что и сейчас, слепой, полумертвый, он жил им, действовал по заложенной еще на земле перед вылетом программе, хотя и не сознавал этого. Память тела оказалась сильнее памяти мысли, и тело действовало так, как надо, даже тогда, когда мысль переставала служить пилоту.

"Я... нахожусь в кабине самолета... который... который идет с задания...тяжело, медленно думает пилот. Я управляю бомбардировщиком... Но почему я не чувствую своих рук? Нельзя управлять самолетом, не чувствуя рук... Что-то с ними произошло. Это очень странно. Но я слышу, как работают моторы... Как же они работают, если у меня нет рук? Мне надо выяснить, что произошло с ними..."

Мысли путаются, но пилот напрягает всю свою волю и продолжает думать:

"Что произошло с руками... Что это такое? А, это воздух... Воеет воздух, который...- Мысль ускользает, но он снова нащупывает ее и, как вол, тяжело тащит дальше: -... Воеет воздух, который врывается... врывается... снаружи. Очень холодно. Мне очень холодно. Откуда взялся воздух, ведь его не должно быть..."

Кажется, он вот-вот поймет что-то важное, очень важное, но оно не дается, ускользает, колеблется, уходит. Пилот дрожит от холода и напряжения. Он снова взваливает на себя непосильный воз и тащит его по рытвинам путающегося сознания:

"Холодно... В кабине очень холодно. У меня все замерзло... замерзли руки... Да, руки. Чего-то у меня нет. Чего-то не хватает... не хватает на руках..." "Перчатки!" - вспоминает он.

Он долго думает, что должен сделать с перчатками. Потом осторожно выпускает из левой руки штурвал, склоняется и начинает шарить по полу кабины. Ему неудобно, он боится неосторожно дернуть правой рукой штурвал и перевернуть машину, но упорно обыскивает пол. Наконец он находит под собой перчатку. Прижимая ее к бедру, он целую вечность пытается натянуть ее на одеревеневшие, пальцы. После нескольких неудачных попыток он справляется с этой задачей и начинает все сначала - теперь уже с правой рукой. Найдя и вторую перчатку, он откидывается на спинку сиденья и отдыхает.

Он чувствует покалывание в пальцах, перерастающее в боль. Но боль эта слабая и непонятная, она вызывает у пилота лишь мгновенное недоумение - это еще откуда? - и он тут же забывает о ней. Он уже привык к тому, что в его теле нет ни одной частички, которая не кричала бы о боли, и принимает боль в руках как нечто само собой разумеющееся. Зато сейчас он чувствует

штурвал.

- Командир, как у вас дела? - слышит он голос штурмана.

- Ничего, лучше... - говорит он. - Штурман, почему мне ничего не докладывает стрелок? Я давно не слышу его.

- Со стрелком нет связи, командир...

- Так почему вы не свяжетесь?

- Я все время пытаюсь, командир...

- А... Ладно. Штурман... кем стрелок был до войны? - спрашивает пилот.

- Что-о?! В голосе штурмана звучит изумление.

- Я спрашиваю, кем стрелок был до войны. Вы что, не понимаете?

- Не знаю, - растерянно говорит штурман. - Кажется, музыкантом. Или собирался им стать... А что?

- Ладно, - говорит пилот. - Ничего. Он и сам не знает, почему это спросил. Может, поточу, что это из того далекого, что называется жизнью...

22

Сергей Кузнецов никогда не собирался стать музыкантом. Он родился и жил в одной из глухих деревушек Гаринского района Свердловской области. Единственным музыкальным инструментом на всю деревню была балалайка старого Антипа, на которой сохранились две струны. Для третьей долго пытались найти где-нибудь кусни стальной проволоки, но так и не нашли.

Сергей Кузнецов не научился играть даже на балалайке. Но песни любил петь, может, поэтому штурман и решил, что он музыкант.

Он очень мало успел за свои девятнадцать лет. Окончил десять классов и влюбился в девушку. Он так и не посмел объясниться ей в любви. Решил, что сделает это, когда вернется с войны героем.

Стрелок был маленького роста, никогда не занимался спортом и поэтому не отличался большой силой. У него были маленькие руки, которые он даже в драках с уличными мальчишками не пытался сжимать в кулаки - все равно таким кулачком не повергнуть противника. Да он и не был драчливым по характеру, об этом говорили и его застенчивые голубые глаза, и смущенный вид, когда он попадал в компанию более самоуверенных и развязных сверстников, и дрожащий голос, когда разговаривал с начальством.

Уверенно он чувствовал себя только за рукоятками пулемета. Тогда он становится сильным, хитрым, расчетливым, находчивым. Может, у его противников были и более мощные бицепсы, и более острые и нахальные глаза, но в воздухе до сих

пор стрелок всегда побеждал их.

До сегодняшнего вылета война для стрелка была острым захватывающим приключением. Потому что он не успел понять всего ее ужаса. Еще вчера он был уверен, что Красная Армия со дня на день перейдет в наступление и безостановочно погонит врага на запад. Еще вчера он сожалел, что так и не успел заслужить ордена и ему нечем будет похвастаться перед односельчанами и перед девушкой.

Сейчас он не думал о наградах. Он увидел тысячи километров опустошенной земли, он побывал над логовом врага, он заглянул в лицо смерти. Он пережил страх, но в нем родилась ненависть. Война перестала быть приключением, она превратилась в тяжелую, смертельно опасную работу, требующую всех сил, всего умения, всего напряжения.

А он, стрелок, сделал непростительную глупость. Он превратил свой пулемет в бесполезную игрушку.

- Командир! - зовет он. Молчат наушники.

- Штурман! Товарищи капитаны!.. Молчание.

Он ведет рукой по шнуру переговорного устройства, трогает разъем. Обрывов нет, все в порядке. Обрыв где-то там, куда стрелку не добраться.

Он дергает за трос пневмопочты, но и пневмопочта не работает. Трос легко выскальзывает из гнезда и падает на пол кабины.

Что же делать? Как предупредить командира и штурмана, что у него почти не осталось патронов?

А если - вражеский истребитель? Они будут надеяться на стрелка. Стрелок же не сможет ни отбиться, ни предупредить об опасности.

Стрелок с ненавистью смотрит на луну. Она сияет так, что на правом крыле самолета хоть заклепки считай. И на всем небе ни единого облачка, ни одной тучки.

Стрелок поворачивает голову и напряженно всматривается в северную часть неба. Если противник появится с юга, он вряд ли обнаружит бомбардировщик на темном фоне неба. Но если с севера...

Стрелок содрогается. Он отлично представляет, как выглядит их бомбардировщик на светлой части неба. Громкая черная машина, медленно ползущая на восток, - лучшую мишень трудно найти.

Какую же непростительную глупость он допустил! Как он мог так легкомысленно расстрелять боекомплект?! Так легко смириться с поражением?!

Стрелок до рези в глазах всматривается в колючий свет

северных звезд. Именно среди них могут появиться движущиеся точки выхлопных огней самолета противника...

- Командир! - зовет он в тысячный раз и знает, что ответа не получит. Штурман!..

Дышать становится трудно. В висках сильно стучит кровь. Холод леденит тело.

Стрелок натягивает кислородную маску. Живительная струя обжигает губы...

Самолет дает ему жизнь. А он по собственной глупости приговорил самолет к смерти. Ведь ясно же - такой командир и такой штурман не могли допустить, чтобы их сбили. Они падали, уходя от прожекторов, от зениток, от истребителей. А он устроил панику и расстрелял боекомплект.

Хоть бы все обошлось. Хоть бы их не заметили истребители. Хоть бы...

Его лихорадочная мольба обрывается на полуслове, Справа, на юге, на фоне светлого неба он отчетливо видит силуэт самолета. Он еще далеко, сзади, но он догоняет их.

Пока он молил неизвестного бога о том, чтобы избежать встречи с вражеским истребителем, глаза обнаружили чужой самолет, руки развернули пулемет в его сторону, а перекрестие прицела указало точку, куда надо стрелять, чтобы ударить наверняка...

Ах, если бы можно было посоветоваться с командиром... Что сейчас делать стрелку? Бить по самолету последними патронами? Подождать?

Стрелок медлит. Он знает, что попал бы - чужой самолет уже совсем рядом, до него едва ли двести метров, а он сбивал их и с четырехсот.

Стрелок сжимается в комок и ведет ствол пулемета медленно, осторожно, чуть впереди вражеского самолета. Ждет.

"Проскочи... пройди мимо... не замечь..." "Пожалуйста, иди своей дорогой... я ведь тебе не мешаю... пожалуйста..."

Самолет приближается. На его крыльях отчетливо видны аэронавигационные огни.

Истребитель. Это не транспортник, не бомбардировщик, это - истребитель.

"Ну, пожалуйста, - умоляет стрелок, глядя на самолет жалобными глазами. Неужели заметит? Од должен пройти стороной. Неужели заметит?"

Палец стрелка подергивается на гашетке, на лбу проступает пот, пот течет под комбинезоном. И сердце грохочет так, что удивительно, как его ударов не слышит немецкий летчик.

Самолеты поравнялись. Теперь стрелок уже совершенно

точно знает, что это истребитель "Ме-109", вооруженный пушками и пулеметами, и что если он сейчас опознает бомбардировщик, то никакое искусство стрелка не спасет их. Между вражеским истребителем и бомбардировщиком расстояние не больше ста метров. Единственное, что успеет стрелок, - дать одну очередь. Но нужно время, чтобы она сделала свое дело, чтобы начали ломаться шатуны и - огонь как следует взялся за машину. А времени-то как раз и не будет. Немец успеет разнести бомбардировщик из пушек. На ста метрах он не промахнется. "Ну, пожалуйста..." - просит стрелок. И немец слушается его. Он проходит рядом, обгоняет израненную машину, и огонь от выхлопных патрубков, уменьшается, пока совсем не исчезает среди звезд. Стрелок опускается на сиденье.

23

Штурман самолета - это мозг экипажа. В его обязанности входит сбор данных о скорости и направлении ветра, сносе машины, об облаках, воздушных потоках и многом другом. Все эти данные он должен проанализировать, сопоставить и выдать пилоту в виде трех цифр: курса, высоты и скорости полета. Это все, что пилоту нужно, чтобы управлять машиной.

Штурман же с момента взлета и до посадки должен в любое мгновение знать местонахождение самолета, время полета до цели, расход горючего, его запас, вносить поправки в курс, скорость и высоту, иметь готовое решение на случай ухода на запасной аэродром из любой точки маршрута. Он должен привести самолет к цели в точно определенное время - ни секундой раньше, ни секундой позже, рассчитать высоту и скорость бомбометания, определить точку сброса и вывести в нее машину, а потом отбомбиться. После всех эволюций по выводу машины из зоны огня штурман обязан восстановить ориентировку и рассчитать данные на обратный маршрут.

За редкими исключениями у штурмана нет времени любоваться красотами природы. Красоты природы на штурманском языке именуются элементами полета. Вон то великолепнейшее озеро, вызвавшее бы крик восторга у любого путешественника, для штурмана - исходный пункт маршрута. Излучина тихой, охваченной рябиновым пожаром реки служит контрольным ориентиром. Разбушевавшаяся стихия грозовой тучи - препятствие на пути следования. Барашки кучевых облаков - это не барашки, это восходящие и нисходящие потоки, болтанка, и штурман должен трезво оценить прочность крыльев своей машины, прежде чем дать пилоту курс для дальнейшего следования.

Анализ и расчет, расчет и анализ - вот красоты, которым

поклонялся штурман Назаров.

Он никогда не спрашивал себя, нравится или не правится его работа. Она была необходима, следовательно, он должен был выполнять ее с наибольшей тщательностью и добросовестностью. Его радовали не ощущения, испытываемые в полете, и не явления природы, которые он имел возможность наблюдать. Он одобрительно отзывался о полете, если удавалось провести машину по маршруту с точностью до градуса, выдержать время с точностью до секунды и сбросить бомбы с точностью до метра.

Ремесло наложило свой отпечаток и на его подход и оценке людей. Его не занимали, например, такие определения, как хороший или плохой, добрый или злой. Когда ему характеризовали человека подобным образом, он только морщился и пожимал плечами. Люди делились для него на две резко разграниченные категории: на тех, кто умел работать, и на тех, кто не умел. Если человек мог ровно и спокойно, не поддаваясь никаким эмоциям, делать свое дело, он заслуживал всяческого уважения. Если же штурман замечал за ним небрежность или недобросовестность, такой человек переставал для него существовать.

Способность логически мыслить, трезво оценивать обстановку и добросовестно выполнять свои обязанности - вот что превыше всего ставил штурман в человеке.

Но странное дело. С того момента, как пилот сообщил ему, что потерял зрение, все эти ценности в глазах штурмана начали стремительно и бесповоротно тускнеть. Не то чтобы он совершенно от них отказался, но он обнаружил и другие ценности, не менее, а, может быть, более существенные.

Штурман никогда не был в близких отношениях с капитаном Добрушем, тем не менее испытывал к нему самое большое уважение, на какое только был способен. Хотя в полку о пилоте говорили разное - и хорошее и плохое, - штурман наметанным глазом довольно быстро обнаружил в нем в самой высокой концентрации все те качества, на которых строилось отношение Назарова к окружающим. Пилот Добруш был воплощением трезвого подхода к делу, расчетливости, добросовестности. Он умел работать.

Еще в первые дни пребывания его в полку штурман сказал себе: "Вот пилот, с которым я хотел бы летать". И когда Добруш предложил ему полет на Кенигсберг, он не колебался ни секунды. Решение подсказали ему логика, трезвый расчет и здравый смысл.

Теперь эти безотказные инструменты не годились для оценки их действий.

Следуя трезвому расчету, пилот после команды "Приготовьтесь к прыжку!" должен был дать команду "Прыгайте! "

Он не дал ее.

Следуя здравому смыслу, в создавшейся обстановке штурман мог прийти только к одному выводу: слепой пилот не в состоянии вести машину и он, штурман, должен как можно быстрее оставить самолет. Он не оставил его.

Следуя логике, задачу можно было решить только однозначно: бомбардировщик No 33 и его экипаж уже около часа тому назад прекратили свое существование.

Но они ушли от Кенигсберга и приближались к Белоруссии.

После того как пилот потерял зрение, полет строился на новых для штурмана законах и отношениях. Главным стало что-то другое, не поддающееся расчету.

Об этом свидетельствовала не только нераздельная общность, появившаяся между ним, штурманом, и пилотом, когда им не нужно было слов, чтобы понимать друг друга, не только ощущение причастности к чему-то величественному, рождающемуся на его глазах, но даже и то, что, несмотря на весь ужас их положения, штурман не испытывал ужаса.

Летая с майором Козловым, штурман никогда не чувствовал себя спокойно.

Уходя даже на самое легкое задание, он не был уверен, что вернется обратно.

Майор Козлов не умел держать машину на курсе, что вызывало у штурмана напряжение и нервозность. Но даже не это было самым неприятным. Стоило самолету попасть в зону огня, как с пилотом начинало твориться что-то необъяснимое. Он словно деревенел и лез вперед напропалую, строго по прямой, не обращая внимания ни на огонь зениток, ни на боевой порядок, ни на команды штурмана. Не умея держать точный курс в спокойной обстановке, тут он не отклонялся ни на градус, и только чудо спасало экипаж от бессмысленной гибели. Каждый раз, видя, как этот сумасшедший лезет в самое пекло даже без малейших попыток защититься, штурман прощался с жизнью. Для того чтобы победить, одних чудес недостаточно, это-то штурман прекрасно понимал.

Он был уверен, что рано или поздно майор Козлов угробит и машину и экипаж.

Штурман не был трусом. Он готов был пойти на любой риск, если это вызвано необходимостью. Но он хотел, чтобы люди, с которыми он работает, защищались до конца.

В полетах с майором Козловым штурмана никогда не покидало предчувствие беды. Ему казалось, все дело в том, что

майор Козлов не умеет летать. Но сейчас он вдруг понял, что дело было и в нем, штурмане. В их экипаже не было того главного, без чего нельзя победить и о чем штурман начал догадываться лишь сейчас. Хотя, конечно, какое-то смутное беспокойство и неудовлетворенность тревожили его и раньше.

Это не было ясно осознанным пониманием, которое можно было бы выразить словами. Но для штурмана оно было почти осязаемым. Вот сейчас он, пожалуй, сумел бы помочь майору Козлову.

Когда родилось это чувство? Возможно, в тот момент, когда пилот спросил его о довоенной профессии стрелка. А может, еще раньше, когда он сказал: "Они вышибли мне глаза". Ведь даже тогда штурман не почувствовал дыхания смерти, как чувствовал он в самых безобидных полетах с Козловым.

Так или иначе, рождением этого нового чувства штурман был обязан пилоту Добрушу. Между ним и миром возникали новые связи, наполнялось содержанием то, на что раньше штурман не обращал внимания.

Бесконечная ночь крепко держит в своих объятиях одинокую машину. Ночь сплетена из звезд, лупы и гула моторов.

Штурману этого мало. И он с удивлением обнаруживает, что глаза его жадно осматривают землю, отыскивая признаки жилья, хоть маленькую светящуюся точку. Отыскивают не как поворотный пункт или пятно для визирования. Он хочет убедиться, что там есть человеческое тепло, хочет услышать сигнал сочувствия и ободрения... Ничего подобного с ним раньше не случалось.

- Командир, как вы себя чувствуете? - спрашивает он. - Вам лучше?

- Да. Лучше, - доносится до него голос пилота. "Ему действительно немного лучше,-думает штурман с облегчением. И тут же мрачнеет: - Надолго ли?"

- Где мы находимся? - спрашивает пилот.

- Скоро Белоруссия.

- Машина... в каком положении машина?

- Все нормально, - поспешно отвечает штурман. Даже слишком поспешно. - Не беспокойтесь, командир. Машина в порядке. Если вы можете прибавить немного газу...

- Ладно.

И штурман чувствует, как увеличивается тяга. Его прижимает к спинке сиденья, линейка ползет по планшету, Он придерживает ее.

Ох, как пустынна земля! Она словно вымерла. Ни единого огонька до самого горизонта, ни единого движения, ни единого

следа человека. Только серые пятна лесов едва проступают сквозь ночь. Может, уже вся земля умерла, может, единственное, что от нее осталось, - это серые пятна лесов?

- Командир, доверните влево. Правое крыло приподнимается.

- Достаточно. Машина начинает выравниваться.

- Еще чуть... хорошо!

Теперь они пройдут севернее Гродно, дальше от его зениток и истребителей. И от облаков.

Штурман пристально вглядывается в небо, Слева растет облачная стена. Штурман хорошо видит причудливые фантастические очертания, такие нереальные в лунном свете.

Они красивы. Но это кучевые облака, и штурман оценивает их теперь как элемент полета. Они вызывают в нем глухое раздражение. Он не может допустить, чтобы самолет попал в болтанку и на пилота свалилась дополнительная тяжесть. Нужно успеть проскочить их.

- Командир, прибавьте еще чуть газу... Какая же она мучительно необъятная, эта ночь!

24

Руки и ноги не слушаются пилота. Чтобы сделать самое незначительное движение, приходится сосредоточивать все силы и все внимание. Сначала - чтобы понять, какой частью тела необходимо сделать это движение.

А потом повторять как заклинание: "Я сжимаю пальцы. Теперь беру штурвал на себя. Нужно согнуть руки в локтях..."

И он сжимает пальцы. Сгибает руки в локтях. Тянет штурвал. Или давит ногой на педаль.

Но самое страшное - ни на что не давить и ничего не двигать.

Тогда из пилота постепенно уходит жизнь. Он медленно, но неотвратно умирает.

- Штурман...- говорит он.

- Да? - откликается тот.

- Я хотел спросить... да, как у вас с кислородом?

- Нормально, командир. Идет.

- А у стрелка?

- Командир, с ним все еще нет связи.

- Так когда же она будет?

- Я стараюсь, командир... Со стрелком нет связи... Все безнадежно сломалось.

...Командир истребительной эскадрильи майор Добруш был переведен в бомбардировочную авиацию с понижением в звании и должности. Причиной тому послужила гибель полковника Голубева, который инспектировал истребительный полк. У полковника Голубева было немало прекрасных качеств,

необходимых военному человеку. Он был требователен не только по отношению к другим, но в равной степени и к себе самому. Если было нужно, он не боялся идти на смертельный риск, не боялся сесть в машину и наравне с рядовыми пилотами сражаться против врага.

И, надо сказать, он неплохо дрался. На его счету было два сбитых самолета противника, хотя инспектирующему вовсе не обязательно принимать личное участие в боях.

Но, к сожалению, у него имелся крупнейший недостаток, который превращал в ничто все его достоинства: в роли инспектирующего, в роли человека, призванного давать рекомендации, он никуда не годился. Во-первых, он полагал, что совершенно точно знает, как нужно воевать чтобы выиграть войну, поэтому любые возражения для него теряли смысл, еще не успев быть высказанными. Во-вторых, у него был странный взгляд на ведение боевых действий: Голубеву казалось, что летчики слишком осторожничают, боятся риска, и если подразделение несло большие потери - это было в глазах полковника доказательством того, что оно хорошо, честно сражалось.

При проверке результатов последних боев истребительного полка Голубева сразу же насторожило, что потери в эскадрилье майора Добруша значительно меньше, чем в двух других.

- Бойтесь вступать в бой? - спросил он Добруша.

- Нет, товарищ полковник.

- Почему плохо воюете?

- Мы хорошо воюем, - возразил тот. Возражать не следовало. Именно об этом говорил предостерегающий взгляд командира полка. Об этом же говорила и вся обстановка первого года войны, когда всем хотелось во что бы то ни стало обнаружить конкретных виновников неудач на фронтах и наказать их, чтобы выправить положение. Если бы Добруш промолчал, возможно, все обошлось бы. Но ему было слишком обидно за эскадрилью, которая сбила самолетов противника больше других, понесла при этом минимальные потери. Обидно за товарищей, которых в награду именуют трусами. Полковник Голубев прищурился.

- Вы утверждаете, что хорошо воюете? Почему же в вашей эскадрилье самые низкие потери?

- Именно поэтому.

- Нет! Потому что вы уклоняетесь от боя. Майор Добруш положил перед ним сводку последних боев.

- Эскадрилья сбила самое большое количество самолетов.

Полковник даже не взглянул на сводку. Он ее и так знал наизусть.

- Если бы вы хорошо воевали, количество сбитых самолетов

было бы еще больше. У вас самое боеспособное подразделение в полку. В вашей эскадрилье самолетов столько же, сколько в двух других, вместе взятых. Майор Добруш побледнел.

- В том, что они позволили свести себя к одной эскадрилье, вина не моя, отчеканил он.

Этого ему не нужно было говорить. Это было несправедливо по отношению к товарищам, которым меньше повезло. Но он был слишком раздражен и не мог сдержаться. Полковник Голубев окинул его недобрым взглядом.

- Видимо, они в первую очередь заботятся о том, чтобы нанести противнику как можно больший урон, а не о своей безопасности, - сухо сказал он. - Не в пример вам. Можете идти, мы разберемся. Добруш круто повернулся.

Он не знал, о чем говорили после его ухода командир полка Петров и инспектирующий Голубев. Видимо, подполковник Петров пытался рассеять неблагоприятное впечатление о своем командире эскадрильи. Как бы там ни было, взыскания не последовало. Зато случилось худшее. Вечером командир полка вызвал к себе Добруша.

- Вот что, Василь Николаевич, - сказал он. - Завтра Голубев хочет слетать с твоей эскадрилей на задание в качестве ведущего, чтобы посмотреть, на что она годится. Ты пойдешь у него ведомым... - Он помялся и отвел глаза. - До сих пор я не возражал, что твоя эскадрилья ходила парами и на высотах, превышающих требуемые. Том более что эти новшества оправдывали себя. Но я думаю, ты догадываешься, как отнесется к нарушению инструкции инспектирующий... Он твердо взглянул в глаза Добруша.

- Приказываю в этом полете действовать строго по инструкции. Идите тройками и на указанной высоте.

- Андрей Иванович, - попробовал возразить Добруш, - боюсь, что это может дорого обойтись эскадрилье... Но Петров прервал его:

- Сам виноват, дорогой. Не нужно было лезть в бутылку, все и утряслось бы. А что я сейчас могу сделать?

Эскадрилья вылетела на барражирование. Полковник подвел ее к линии фронта на высоте двух тысяч метров.

Не успели истребители развернуться, как сверху на них свалилось десятка два "мессершмиттов".

Полковник Голубев был доволен: эскадрилья пришла на место вовремя, патрулировала на заданной высоте, от схватки не уклонялась и в неравном бою уничтожила три вражеских самолета.

Добруш вышел из машины разбитым. То, что эскадрилья

уничтожила три вражеские машины, его не радовало. Ведь он потерял двух очень хороших летчиков!

Он отворачивался от оставшихся шести товарищей, которые бросали на него недоумевающие и тревожные взгляды.

Что он им мог сказать? Потерять за двадцать минут двух летчиков - это же катастрофа!

Он ничего не сказал и полковнику Голубеву. Промолчал даже тогда, когда тот, похлопав его по плечу, сказал;

- Вот так надо воевать, майор! Майор Добруш твердо знал, что так воевать нельзя.

- Отличные ребята! - продолжал полковник, не замечая состояния комэска. Орлы! С такими фашистов можно бить и бить... Э, да ты что?! - воскликнул он вдруг, увидев хмурое лицо Добруша. - Неужели перетрусил? Так и есть, на тебе лица пет! Вот черт, а дрался ты здорово, даже не подумал бы... Как ты врезал этому желтоносику! Блеск! Ну ничего, еще отойдешь... Ну, ну, чего хмуришься? Может, из-за вчерашнего? - легонько толкнул он Добруша в плечо. - Признаю, я ошибся. Твои ребята дерутся как черти. Я с удовольствием слетаю с ними еще раз. Майора мгновенно прошиб холодный пот.

- Еще... раз? - спросил он хрипло..

- Это - настоящее дело, - сказал полковник, глядя в небо. - Честное слово, вернусь из поездки и стану проситься на полк... Майор Добруш ворвался в кабинет Петрова.

- Андрей Иванович, я потерял двух летчиков, но ему этого мало. Он хочет лететь еще раз... Ради Бога, сделайте что-нибудь! Я не могу допустить, чтобы эскадрилью расстреливали в угоду устаревшим инструкциям.

- Судя по всему, инструкции скоро будут изменены, - сказал Петров. - Но пока...

- С кем же я буду воевать?! Петров нахмурился.

- Хорошо. Я поговорю с ним. Но разговор, видимо, ни к чему не привел. Не привел ни к чему и разговор Добруша с полковником. Выслушав майора, тот холодно сказал:

- Будете воевать так, как вам приказывают, а самодеятельность мне бросьте! Полковник сел в машину.

На лбу Добруша залегла глубокая поперечная морщина.

Все повторилось, как и в первый раз. Не успела эскадрилья подойти к линии фронта, как сверху посыпались "мессершмитты".

Майор Добруш шел ведомым у полковника. Рядом с ним висел второй ведомый-сержант Климов, молоденький летчик, всего месяц назад пришедший в эскадрилью.

Хотя во все последовавшие события и вмешалась случайность - два немца атаковали одновременно и полковника, и сержанта

Климова, - рука Добруша бессознательно направила самолет на немца, атакующего неопытного сержанта. Четыре пулемета "ишачка" полоснули по фюзеляжу "мессершмпитта", и тот исчез во взрыве.

Одновременно исчез и полковник, сбитый вторым немцем.

Добруш подал команду перестроиться. Эскадрилья выиграла этот бой. Они потеряли одну машину, зато сбили шесть "мессершмиттов". Потому что у них был маневр и появилась высота.

Об эшелонировании самолетов по высоте полковник Голубев не хотел и слышать. Он твердо помнил инструкцию о том, что истребительная авиация должна барражировать в пределах видимости пехоты для поднятия ее боевого духа.

Майор же Добруш был убежден в том, что боевой дух у пехоты никак не может подняться от того, что немцы безнаказанно сбивают на ее глазах советских летчиков. И он выстраивал перед боем эскадрилью этажеркой, загоняя ее последнее звено на высоту шести-семи тысяч метров. Как только немцы пытались атаковать идущие у земли одну-две машины, на них сверху, как горох, сыпались истребители, заранее определившие цели, точно рассчитавшие удар и нападавшие тогда, когда их меньше всего ждали.

Немалую роль играло и распределение эскадрильи по парам, а не по тройкам, как было принято обычно.

Добруш часто вспоминал полковника Голубева, и на душе его становилось скверно от воспоминаний о том бое. Но он никогда не раскаивался в том, что бросился на помощь сержанту Климову. Эскадрилья должна была выиграть бой, и она его выиграла. И если у него потом нехорошо было на душе, если его преследовали и другие неприятности - какое это имело значение? Его личные неприятности, его переживания были пустяком по сравнению с той огромной бедой, которая обрушилась на страну. Чтобы ее уменьшить, он должен выигрывать бои. Вот и сейчас капитан Добруш пытается выиграть бой. Ни одно наставление, ни одна инструкция не говорят, как должен действовать полумертвый слепой пилот, находящийся в искалеченной машине за сотни километров от своего аэродрома.

- Штурман... в каком положении машина?

- Дайте небольшой крен влево... Так! Теперь нормально, командир.

- Высота?

- Пять двести.

- Где мы находимся?

- Скоро Лида.

Сознание у пилота мутится, но он старается обмануть смерть.

"Мне не следовало впутывать в эту историю Назарова, - думает он, чтобы забыть о боли и слепоте. - Жаль, что так получилось... и все-таки хорошо, что рядом со мной именно он. Надеюсь, с ним мы еще -выберемся из этой передряги..."

"Мне нравилось летать даже в сорок лет,-думает он,-нравилось так же, как и тогда, когда я начинал. Даже, пожалуй, больше. Приятно держать штурвал в руках, когда машина тебе послушна. Приятно уходить в солнечное небо. Приятно возвращаться на землю, зная, что ты хорошо сделал свое дело".

"Многие уже в тридцать лет не испытывают от полета никакого удовольствия, хотя и любят рассказывать, как это хорошо - летать. Они заменяют чувства словами, или пытаются воскресить их с помощью слов..."

"Небо и машина требуют честности. Мне повезло - я летал почти двадцать лет..."

Но то, о чем он пытался забыть, прорвалось сразу, прорвалось воплем, задушившим все остальные мысли: "Слепой! У тебя больше нет неба, нет машины, нет ничего. Ты слеп, слеп, слеп и больше никогда не почувствуешь, как мягко подбрасывает тебя на ладонях земля, когда самолет отрывается, не возьмешь в руки штурвал, не увидишь неба... Все кончено!" Его лицо искажается под бинтами.

- Командир, вы что-то сказали? - спрашивает штурман. Я не расслышал... Пилот проглатывает стон.

- Ни... чего. Вы все еще не связались со стрелком?

- К сожалению, нет, командир. Но я обязательно что-нибудь придумаю.

25

Одинокий истерзанный самолет медленно ползет среди звезд на восток. Штурман то и дело заглядывает в окуляр визира, вертит лимб ветрочета, щелкает двинском навигационной линейки, записывает в бортжурнал цифры. Он рассчитывает скорость полета, угол сноса, расход горючего, время прохода через контрольные ориентиры.

Каждые двадцать-тридцать секунд штурман настороженно осматривает небо, готовый в любой момент схватиться за пулемет, чтобы отразить атаку истребителей противника.

Назаров ни на секунду не забывает о том, что должен связаться со стрелком. При полете на высоте пяти тысяч метров у них не хватит горючего. Но, не предупредив стрелка, они не могут набрать нужную высоту, потому что не знают, надел ли тот кислородную маску. Со стрелком необходимо связаться и на тот случай, если потребуется отдать приказ оставить машину.

Штурману необходимо знать обстановку в заднем секторе.

Не преследуют ли их истребители противника? Может, необходимо изменить курс, скорость или высоту, чтобы избежать опасности? Не ранен ли стрелок, в порядке ли у него оружие, сможет ли он в случае нужды отразить атаку?

Все эти вопросы тяжелой ношей наваливаются на штурмана.

Он уже испробовал все мыслимые средства, чтобы связаться со стрелком, но безрезультатно. Осталось последнее.

Несколько секунд он смотрит на визир, потом со вздохом вытаскивает его из гнезда.

- Твоя очередь, дружок, - бормочет он. Визир - единственный тяжелый металлический предмет в кабине штурмана, который можно использовать для задуманной им цели. Есть еще, правда, секстант, по к этому прибору штурман относится со слишком большим уважением. А кроме того, расстаться с секстантом - это все равно что потерять и его, штурманские, глаза. Без визира он еще как-нибудь обойдется, в крайнем случае определит шнос машины с помощью бомбоприцела. А без секстанта не обойтись.

- Командир, машина идет с небольшим правым креном - говорит штурман. Подровняйте немного...

- Понял.

Правое крыло приподнимается. Штурман окидывает внимательным взглядом небо, потом с сожалением смотрит на визир.

Размахнувшись, он сильно бьет им по шпангоуту раз, другой, третий...

- Туя... тук-тук... туп... - выстукивает он. Удары складываются в точки и тире, точка и тире превращаются в слова: "С-т-р-е-л-о-к, о-т-з-о-в-и-т-е-с-ь. С-т-р-е-л-о-к, е-с-л-и с-л-ы-ш-и-т-е, в-ы-с-т-р-е-л-и-т-е..."

- Командир, вы слышите мои удары? - спрашивает штурман, опуская визир.

- Нет.

- Послушайте еще.

И штурман начинает выстукивать морзянку: "Стрелок, наденьте кислородную маску. Наденьте маску. Если по- няли, выстрелите..."

- Слышу слабые удары, - сообщает пилот. - Зачем вы стучите, штурман?.

- Пытаюсь связаться со стрелком.

- А... хорошо. В каком положении машина?

- Доверните вправо... стоп! Теперь хорошо, командир, Штурман снова размахивается и бьет визиром по шпангоуту: "Стрелок... отзовитесь, стрелок... наденьте маску... выстрелите..."

Дзень! Стекло окуляра разлетается вдребезги.

- Прошу прощения, - бормочет штурман. Он ценит вещи, с которыми работает. А сейчас ему приходится обращаться с ними так варварски...

26

Чужой самолет появился неожиданно из темной части неба, он словно выпал оттуда, и стрелок вполне мог пропустить этот момент.

Истребитель идет с потушенными сигнальными огнями. Значит, немец хочет остаться незамеченным. От кого он прячется?

"Если бы связаться с командиром, - думает стрелок. - если бы посоветоваться, спросить, что делать..."

В груди стрелка застывает тяжелый ледяной ком. Посоветоваться не с кем. А чужой самолет приближается все стремительней. Стрелок уже видит лунные блики на его плоскостях. Да, огня нет. Значит, немец или уже видит бомбардировщик, или знает, что тот неподалеку, и отыскивает его.

Если бы он еще шел с огнями. Тогда стрелок мог бы подождать. Тогда он мог бы попытаться пропустить немца. Тогда...

Стрелок имеет право на одну очень короткую и точную очередь. Если он не собьет вражеский самолет первой же очередью, это будет означать конец. Вражеский летчик станет осторожнее, начнет делать заходы один за другим и в конце концов вынудит расстрелять остатки боекомплекта. Или, если стрелок промахнется, сразу ударит из пушек и пулеметов, что ничуть не лучше. "Пропустить? Стрелять?"

Эта мысль лихорадочно бьется в голове стрелка. Решение зависит только от него. Вся ответственность лежит на нем. Ответственность за жизнь трех человек.

Как все просто, когда рядом командир. Он всегда знает, что нужно делать...

Огни... Если бы истребитель шел с огнями... Стрелять!

Туи... тук-тук... тук...

Стрелок уже давно слышит эти непонятно откуда идущие звуки, но ему не до них. Все его внимание приковано и приближающемуся самолету. Стрелок прикидывает угловое смещение истребителя, выносит прицел вперед и ждет, медленно поводя стволом пулемета. Он целится долго и тщательно, целится так, словно у него есть неограниченный запас времени. Он должен ударить наверняка...

ДУ-ДУ-ДУ-ДУ!..

Стоп!

Стрелок ждет, не отрываясь от прицела. Ждет долгие три или четыре секунды.

Что-то взрывается в настигающем их самолете. Рядом с луной на мгновение вспыхивает солнце. И - болезненная темнота, особенно черная после взрыва...

Стрелок отодвигается от пулемета и дрожащими руками вытирает пот со лба. Лицо у него белое, как у мертвеца, а на губах застыла слабая улыбка. В эту короткую очередь он вложил все свои силы, все напряжение и теперь чувствует себя опустошенным. Он осматривает небо бессмысленным взглядом, еще не веря, что все кончилось.

Тук... тук-тук... тук...

Стрелок начинает приходить в себя и с недоумением осматривается. Опять эти звуки? Вот... снова: тук-тук...

Стрелок прислушивается. Что-нибудь с моторами? Или стучит поврежденная обшивка? Он выпрямляется, и удары прекращаются. "Показалось", - думает стрелок. Он тянется к пулемету, чтобы перезарядить его, и случайно прикасается головой к борту. Удары слышатся ясно и отчетливо: тук-тук-тук-тук... тук... тук...

Стрелок замирает. Да это же морзянка! Штурман! Да это же стучит штурман! Как он не догадался сразу!.. Штурман!..

Как он ждал хоть какого-нибудь сигнала, чтобы убедиться, что не забыт, что рядом находятся пилот и штурман...

Надо немедленно связаться со штурманом. Немедленно.

Стрелок склоняется и шарит рукой по полу кабины, ощупывает борта, рацию. И застывает.

Ему нечем подать сигнал штурману. У него нет ни одного предмета, которым он мог бы воспользоваться. Разве пистолетом, но выстрела штурман не услышит, а ударов - и давно...

- Тук-тук-тук... "П-о-н-я-л... в-ы н-е р-а-н-е-н-ь... С-м-о-ж-е-т-е-л-и п-р-и н-е-о-б-х-о-д-и-м-о-с-т-и о-с-т-а- в-и-т-ь м-а-ш-и-н-у... Е-с-л-и с-м-о-ж-е-т-е... в-ы-с-т-р-е-л-и-т-е..."

Сможет ли он оставить машину? Нет, не сможет. Этого он, стрелок, сделать не сможет, потому что парашют у него изодран осколками снаряда. Он уже проверял. Парашют никуда не годится

А зачем оставлять машину? Какая в этом нужда? Что случилось?

Ах, если бы как-то подать сигнал штурману, узнать, что там, впереди, долго ли им еще лететь до аэродрома... Если бы предупредить, что у него почти не осталось патронов...

Он снова осматривает кабину. Ничего. Тук-тук... Стрелок застывает, склонившись к борту. "П-о-н-я-л. М-а-ш-и-н-у... о-с-т-а-

в-и-т-ь... н-с с-м-о-ж-е- т-е... В-с-е... н-а-б-и-р-а-е-м в-ьк-о-т-у..."

Удары прекращаются. Стрелок чувствует, как приподнимается нос самолета. Он усиливает подачу кислорода в маску...

27

Руки, ноги, спина - все одеревенело. Мысли путаются. Самолет раскачивается из стороны в сторону, сваливается то на одно, то на другое крыло. Он то пикирует, то, вздыбившись, лезет в небо почти вертикально.

Каким-то краешком сознания пилот понимает, что это невозможно, немыслимо, пытается убедить себя, что машина идет нормально, но все его старания ни к чему не ведут. Моторы пронзительно воют на одной высокой ноте, раздирая сознание. Вой с каждой секундой становится все выше и оглушительней. И пилот знает, почему это происходит: машина идет вверх колесами. Сейчас начнется раскрутка винтов, потом полетят плоскости, и на землю рухнет груда обломков.

В какой момент он допустил, чтобы машина перевернулась, и как это произошло? Почему молчат штурман со стрелком? Неужели он уснул за штурвалом и не уследил за машиной?

Но думать об этом некогда. Пилот выворачивает штурвал влево и всем телом налегает на левую педаль. Попа самолет еще держится, пока не начали отламываться крылья, надо попробовать вывести его в нормальное положение, спасти экипаж...

Быстрее! Он уже слышит, как рвется обшивка и лопаются заклепки... Быстрее!

Пилот делает отчаянные усилия, чтобы спасти самолет...

Рывок самолета бросает штурмана на борт кабины, пол вырывается из-под ног. Штурман хватается за скобу сиденья и повисает над прицелом в нелепой позе.

Только что все было спокойно. Ровно работали моторы, небо чистое, внизу проплывали лесные массивы, в которых вряд ли могла находиться зенитная артиллерия. Штурман рассчитал набор высоты и только собирался сделать запись в боржурнале, как вдруг - на тебе.

Он барахтается на сиденье, пытаясь отцепить привязные ремни. Неужели на что-то наткнулись? Отказал один из моторов? Отвалилось крыло?

- Командир! - зовет он.

Самолет почти лежит на крыле, нос его опускается к земле, еще мгновение, и машина перевернется.

- Командир! Штурвал вправо, правой ноги! Дайте правый крен, командир!..

Машина также резко и неожиданно кренится на правое крыло.

- Стоп! Командир, стоп! Левый крен!.. Еще один такой рывок, и незачем будет производить расчеты...

- Чуть вправо! Стоп, командир! Вот это свистопляска...

- Штурман... - доносится до него хриплый стон.

- Я вас слышу, командир. В чем дело? Что случилось, командир?

- Штурман, в каком положении машина?

- Сейчас - в нормальном. Но секунду назад мы едва не перевернулись. Что случилось?

- Штурман... вы уверены, что машина сейчас действительно в нормальном положении? - настойчиво спрашивает пилот. Штурман оглядывается.

- Да, командир. Совершенно уверен.

- Вы видите горизонт?

- Да.

- Хорошо видите?

- Очень хорошо, командир. Но в чем дело?

- Дело в том... мне кажется, что машина идет в перевернутом положении...

- Нет, командир. Машина идет нормально. Вы слышите? Нормально!

Штурман слышит тяжелое дыхание пилота. И его голос:

- Почему же тогда так воют моторы?

- Нет, командир. Моторы работают нормально. Держите так, как держите. Машина в нормальном положении.

- Ладно, штурман...

- Вот и хорошо. Хорошо, командир... Он прикладывает ко лбу и щекам платочек, вытирает проступившие капли пота. Потом говорит:

- Уф, Василь Николаевич... Пожалуйста, не надо так больше. Ведь вы чуть не перевернули машину...

- Простите, штурман...

- Ничего. Командир, я связался со стрелком. У него все в порядке, можно набирать высоту. Возьмите штурвал на себя... еще... достаточно! Держите так, командир!

Штурман качает головой. Какого же дурака он свалил! Ведь он должен был об этом помнить. Даже вполне здоровые пилоты во время ночных полетов или полетов по приборам часто теряют пространственную ориентировку. А тут - слепой пилот, которому в миллион раз труднее...

- Ты мне не нравишься, дружок, - неодобрительно бормочет себе штурман. - В этом случае ты оказался растяпой. Будь

внимательнее, иначе плохо кончишь...

Он дает пилоту поправку в курс и внимательно приглядывается к земле. Скоро должен быть Минск.

28

Сколько времени они летят? Час, два, неделю, вечность?

Добруш не знает этого. Но он помнит, что должен долететь до Белоруссии. Все рано или поздно возвращаются туда, откуда вышли. И он вернется. Он вернется и скажет дому, саду, аистам на старой липе: - Дабрыдзень.

Над Белоруссией капитан Добруш прикажет экипажу оставить машину.

Моторы работают уверенно, ровно, без перебоев. Это удивительно, но пилот сейчас ничему Её способен удивляться. Он принимает все как должное. Раз моторы хорошо работают, значит, так и нужно. Незачем о них думать. И незачем думать обо всем остальном, что не относится к полету или что не мешает.

В кабине свистит ледяной поток. Руки и ноги пилота окоченели, на бинтах образовалась ледяная корка. Холод проникает под куртку. Но машина хорошо держит режим, это самое главное. Может, они и выкарабкаются. Вот только управление...

Сейчас пилот боится сделать даже одно лишнее движение штурвалом или педалями. Он не верит своим ощущениям и застыл в каменной позе. Если бы можно было хоть как-то сориентироваться или поработать управление им, ему стало бы легче...

Машина по-прежнему идет как-то странно, переваливаясь с крыла на крыло. Пилоту стоит невероятных усилий удержаться от соблазна выровнять самолет. И самое страшное, что провалы в сознании случаются все чаще, все чаще пилот ловит себя на том, что медленно возвращается из какой-то вязкой пустоты, и с трудом вспоминает, где находится и что делает.

Если бы хоть маленький клочок света, хоть на секунду...

Пилот пытается представить свет и не может. Он со страхом чувствует, что забыл все цвета. Он не может представить зелень. Он не помнит, какого цвета небо. Он отчетливо представляет лишь один цвет - чернильно - черный. Трава, лица людей - все черное. Он задыхается.

- Штурман... вы связались со стрелком?

- Да, командир. Связался. Я вам уже говорил.

- Сможет он оставить машину?

- Нет.

- Что с ним?

- Не знаю. Видимо, что-то с парашютом. Или заклинило люк...

- Так...

И снова пилот как во сне. Он слышит команды штурмана и выполняет их, но он не понимает их смысла. Рука и ноги сами делают то, что привыкли делать в течение многих лет. Сознание в этом не участвует. Если бы хоть немножко света... Хоть чуть-чуть...

Какая-то очень важная мысль пробивается и не может пробиться сквозь полубред. Пилот напрягает всю волю, пытаясь удержать ее, но она ускользает, теряется...

Нет, он не имеет права потерять сознание. Прежде он должен вспомнить... потому что это очень важно, это самое главное, что у него осталось...

- Штурман...

- Да, командир?

- Штурман... я должен... я хотел...

- Осторожнее, командир! Дайте крен вправо... достаточно! Что вы хотели сказать?

Да, да, штурман прав, он хотел что-то сказать... что-то очень важное... но он не может вспомнить...

- Командир, подходим к Минску.

- Да, да, - бормочет пилот, - хорошо. Только... И вдруг в его мозгу, словно молния, вспыхивает воспоминание.

- Штурман. Скажите ей... скажите, что я хочу сына. Вы слышите, штурман?

- Кому, командир? - спрашивает Назаров с недоумением.

- Ах, да... Ладно.

Пилот смолкает. Слышно только его тяжелое дыхание. Штурман пытается понять, в чем дело, потом говорит:

- Командир, вы должны сделать это сами. Сознание возвращается к пилоту.

- Да. Ладно.

Он смолкает. Его охватывает страстное желание во что бы то ни стало сейчас увидеть женщину, которая была так добра с ним. Услышать ее голос, потрогать волосы. Мысли проясняются. Он не имеет права сдаваться. Он должен выдержать до конца. Если он увидит ее, все будет хорошо. Тогда ничего не страшно. Он забывает о боли, слепоте, холоде.

- Штурман, стрелок в маске?

- Да, командир.

- Какая высота?

- Семь девяťьсот.

- Идем с набором?

- Да.

- Какая скорость?

- Триста пятьдесят путевая.
- Хватит горючего до аэродрома?
- Если наберем хотя бы тысячу метров. И скорость...
- Рассчитайте наивыгоднейший режим.
- Есть, командир. Минуточку, командир. Через несколько секунд штурман сообщает:

- Убавьте скорость на тридцать километров.
- Уменьшаю. Следите. Пилот берет на себя секторы газа. Он сдвигает их сначала на миллиметр, потом больше, еще больше...

- Стоп! - говорит штурман. - Хорошо. Мы немного проиграем во времени, но горючего теперь хватит. Через одиннадцать минут наберем высоту. Как вы себя чувствуете? Вам лучше?

- Да. Лучше, - отрывисто говорит пилот. - Следите за курсом.
29

..Капитану Добрушу не удалось поспать перед вылетом, как он рассчитывал. Вернее, он не захотел ложиться, хотя и мог бы это сделать. Его неудержимо потянуло к Анне.

Она была в землянке одна. Увидев капитана, она поднялась.

- Я знала, что вы придете, - сказала она. Он и не подозревал, что с ней будет так хорошо и просто. Они не говорили ни о прошлом, ни о будущем, им было достаточно того, что они вместе и им хорошо. Когда он уходил, она сказала:

- Пожалуйста, возвращайся... Ему во что бы то ни стало нужно вернуться к ней. Правый мотор начинает давать перебои. До пилота то и дело доносится зловещее чихание задыхающих цилиндров. Ну что ж... пора. И пилот и мотор выработали все свои ресурсы. И если пилот еще действует, одержимый стремлением сохранить связь с ускользающим он него миром, то у мотора нет никаких целей, ради которых ему стоило бы доводить себя до саморазрушения.

- Штурман.... какая высота? - спрашивает пилот.

- Восемь триста.

- Сколько мы можем терять, чтобы все же хватило горючего?

- Метров пятьсот... не больше. На семи тысячах ветер на двадцать километров слабее.

- Ладно. Правый мотор начинает давать перебои, придется уменьшить тягу. Последите за курсом.

- Хорошо... командир.

Голос штурмана едва заметно вздрагивает. Он отлично понимает, что это значит - перебои. Перебои обычно стремительно развиваются в полный отказ мотора. А ему очень не хочется, чтобы это случилось сейчас, где-то в центре оккупированной Белоруссии, после всего, что они выдержали, когда пилот почувствовал себя бодрее и когда выяснилось, что

стрелок не сможет оставить машину. И когда он, штурман, сделал то, о чем в нормальных условиях не посмел бы даже и подумать, - произвел расчет на посадку самолета слепым пилотом.

Конечно, это невероятно сложно. Малейший промах - и самолет превратится в груды обломков.

Но, с другой стороны, бомб у них нет. Он, штурман, рассчитает подход к полосе так, что в баках останется горячего только на пробег, тогда взрыв или пожар им не грозит. Покалечатся, если самолет скапотирует... ну что ж, к этому не привыкать. А может, им удастся посадить машину. Он, штурман, рассчитает подход к полосе предельно точно. Он станет глазами пилота. Почему бы не случиться чуду? Почему бы им не сесть? Они заслужили это.

Но отказ мотора разом перечеркнет все расчеты. Пилот уменьшает обороты мотора, и машина начинает разворачиваться вправо.

- Дайте левой ноги, командир. Снимите нагрузку триммером...

Пилот компенсирует уменьшение тяги рулем поворота. Скорость снижается. Машина начинает терять высоту...

30

Небо на востоке понемногу светлеет. Гаснут звезды. Луна скатывается за подернутый сиреновой дымкой горизонт.

Штурман напряженно всматривается в землю и наконец облегченно вздыхает Днепр. Теперь осталось совсем немного. Только бы удачно пересечь линию фронта - и они дома.

Правый мотор работает на предельно низких оборотах. Штурман то и дело поглядывает на него и уговаривает:

- Ну-ну, дорогой... потерпи еще немного. Подержись.

Из-за уменьшения скорости они непростительно, запаздывают. Рассвет неумолимо надвигается. И это очень скверно.

Рассвет - это зенитная артиллерия. Рассвет - это истребители противника.

- Командир, может, рискнем прибавить обороты? - спрашивает штурман. Начинает светать.

- Нет.

Что ж, Добруш прав. Не стоит рисковать сейчас, когда нет прямой угрозы. Последний рывок мотора может потребоваться для более серьезного дела.

Впереди, внизу, в полумраке, на далекой земле вспыхивают огоньки. С каждой секундой они видны все отчетливее. Линия вспышек вытянулась поперек курса, с севера на юг. Она вздрагивает, пульсирует.

С восточной стороны навстречу самолету то и дело взлетают стаи хвостатых комет, и там, где они падают на землю, несколько секунд бушует пламя.

- Подходим к линии фронта.

- Понял. Пилот прибавляет обороты правому мотору,

- Дайте правой ноги, командир... Скорость увеличивается.

Небо стремительно светлеет. Штурман берет за рукоятки пулемета.

Они подходят к полыхающему внизу валу, Далеко справа в воздухе подпрыгивает огненный мячик, второй взрывается прямо по курсу, третий разлетается над головой штурмана. Началось...

- Командир, противозенитный маневр! Правой ноги!.. Самолет ускользает от взрыва.,

- Левой! Штурвал чуть от себя. Хлоп-хлоп-хлоп... трах!

Ничего, ничего... еще несколько секунд. Машина, виляя из стороны в сторону, несется среди взрывов.

- Правой ноги!.. Левой! Правой! Вниз, командир, вниз!..

И вдруг наступает тишина. Перед самолетом чистое небо, без единого дымка. Линия фронта осталась сзади, Все.

Все, командир. Проскочили. Доверните немного влево... Хорошо!

Но не успевает штурман отдышаться, как впереди появляются два "мессершмитта", идущие с востока.

- Командир, навстречу идут два "мессершмитта", - торопливо предупреждает штурман. - Нам не разминуться.

- Далеко?

- Да... нет! Близко!

- Выше, ниже?

- Ниже. Секундное молчание. И ровный голос пилота:

- Ладно. Постреляйте по ним из своего пугача... Действительно. А что им еще остается? Тут уж все от Бога и от случая. Ни отвернуть, ни скрыться на своем тихоходе они не смогут.

Штурман, угрюмо глядя на стремительно приближающегося врага, склоняется к пулемету.

И вдруг он чуть не вскрикивает. Какая удача! Как же он сразу не понял? Истребители выскочили из облачности. Поэтому-то они и появились так неожиданно. Их надо отпугнуть всего на десять-пятнадцать секунд, и экипаж спасен. А ну-ка...

Он припадает к прицелу и дает длинную отчетливо видимую веерообразную очередь. Он знает, что на такой дистанции не попадет, да и не старается попасть. Ему нужно всего лишь на несколько секунд ошеломить противника.

Пулеметная трасса вспарывает небо между истребителями.

"Мессершмитты" шарахаются в стороны.

Ну, ладно. Сейчас они поняли, кто перед ними, и начнут разворачиваться для атаки, но дело сделано. Перед бомбардировщиком свободный путь к облачности. Облака, правда, реденькие, но это и лучше. В плотных облаках они не смогли бы вести машину.

Истребители проносятся мимо и исчезают в задней полусфере.

- Командир, прибавьте газу!

Моторы взывают на самых высоких оборотах. Только бы они не отказали...

Истребители появляются в поле зрения стрелка настолько неожиданно, что в первый момент он не может сообразить, что это за самолеты и откуда они взялись.

Секунду он в растерянности смотрит на них, потом резко поворачивает пулемет. Истребители заходят для атаки. Вот они закончили маневр и устремляются на стрелка. Они растут на глазах, зловеще нависая над хвостом бомбардировщика.

Ш-ших! Пульсирующая очередь снарядов проносится над самой головой стрелка. В ответ стрелок нажимает гашетку пулемета: Р-рых!

И все. Пулемет смолкает.

Немецкий ведущий взмывает вверх. Но второй истребитель делает доворот, и на его крыльях начинают биться язычки пламени. Немец пустил в ход все свое бортовое оружие, и белые плети подбираются все ближе к стрелку. Теперь уж стрелок ничего не может сделать,.. И вдруг все меняется. Разом, мгновенно "мессершмит- ты" исчезают, словно растворяются в молоке. Словно их и не было никогда. Словно их атака была всего лишь дурным сном.

Стрелок протирает глаза, оглядывается и вдруг начинает истерически, захлеб смеяться. Ушли!..

31

Бомбардировщик выскакивает из облачности прямо на громадный багровый солнечный диск. Штурман щурит глаза.

- Командир, подходим к аэродрому. Что вы намерены делать?

- Садиться.

Штурман судорожно стискивает зубы и проглатывает внезапно перехвативший горло ком. Надо быть пилотом чтобы так просто и буднично решиться на то, над чем штурман бился от самого Кенигсберга.

- Спасибо, Василь Николаевич.

- У вас готовы расчеты?

- Да.

- Командуйте заход. Штурман смотрит на землю.

Через десять секунд начинаем левый разворот. Внимание! Разворот!

Машина делает круг над аэродромом и точно выходит на посадочную полосу.

Полоса какая-то странная - вся в пятнах, словно залатанная.

- Командир, выпустите шасси... закрылки... Дайте чуть штурвал от себя... командует штурман.

Он с удивлением приглядывается к аэродрому. Да неужели это их аэродром?!

Все вокруг изрыто громадными воронками, стоянка усеяна обломками самолетов.

Сколько же их осталось? Семь... нет - восемь машин. Всего восемь!

Теперь штурман понимает, что произошло. Налет вражеской авиации. Возможно, одновременно был произведен налет и на соседний полк, с которым они должны были идти на Кенигсберг...

Так вот что это за пятна на взлетной полосе - только что засыпанные воронки. Несмотря ни на что, товарищи ждут их и сделали все возможное, чтобы они смогли сесть...

- Идем точно, высота триста, - говорит штурман командиру. Впереди посадочные знаки.

- Высота двести... Чуть-чуть доверните вправо. Достаточно. Хорошо, командир.

- Высота сто... Идем точно. Полоса хорошо видна, все чисто.

Чувства Добруша напряжены до предела. Голос штурмана... разве это нужно пилоту, чтобы посадить машину? Он должен сам видеть полосу. Сам!

- Высота семьдесят... Хотя на мгновение. Только на одно мгновение...

- Пятьдесят...

Пилот снимает руку со штурвала. Секунда, и бинты летят на пол кабины.

- Десять. Возьмите штурвал чуть на себя... Только на мгновение...

- Пять...

Пилот открывает глаза. Снаряд во второй раз взрывается в кабине. Мир становится еще чернее.

- Два...

Если бы штурман увидел сейчас лицо пилота, он подумал, бы, что тот сошел, с ума. Пилот улыбался. Боль стала невыносимой.

Этот полет он сделал от начала до конца, сложил по кирпичику, как каменщик складывает здание... - Один.

Самолет касается земли. Рев моторов обрывается, словно обрезанный. Слышен стук амортизаторов.

Но Добруш уже ничего не слышит. Он выпускает штурвал из рук и повисает на привязных ремнях. В его меркнувшем сознании проносится зеленое поле аэродрома, ватные облака, голубое небо... Тело пилота вздрагивает, руки приподнимаются, будто стремясь дотянуться до штурвала, и падают... Сердце смолкает.